

16+

Сергей Пилипенко

Крестоносцы

Сергей Пилипенко

Крестоносцы

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Пилипенко С. В.

Крестоносцы / С. В. Пилипенко — «ЛитРес: Самиздат», 2016

ISBN 978-5-532-07606-8

Книга рассказывает о реальной, а не во многом приукрашенной жизни Христа и его матери и полностью раскрывает подлинные черты того времени. Она не противоречит уже всем известным событиям, но наиболее точно раскрывает смысл первопришествия и суть искаженного временем «предательства». Вторая часть показывает ход второго, мало запечатленного самой историей пришествия, состоявшегося в средние века, а третья - знакомит читателя с готовящейся третьей попыткой возникновения подобного явления на Земле.

ISBN 978-5-532-07606-8

© Пилипенко С. В., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Пролог	5
Содержание	7
Вступление	8
Раздел 1. Путь истины	10
Глава 2. Исповедь греха	17
Глава 3. Путь иноходца	35
Глава 4. Чудеса	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Пролог

Возможно, уже даже тогда кому-то казалось, что он желал снискать славу. И вполне правдоподобно, что именно за ней возвратился бы в другой раз.

Так думают и предполагают многие современники и те же верующие в том числе, составляющие большинство веры христианской.

Но, кто он – Иисус Христос?

Как оказался на Земле в те далекие уже от нас времена? Спасал ли он мир тогда?

И смог бы его уберечь уже сейчас?

Вопросов, как всегда, много. Ответы также есть, но только почему-то мало кого удовлетворяют.

В основе своей все знания почерпнуты из библии, происхождение которой доселе также неизвестно, хотя и узаконено единогласно.

Лишь самую малую часть дают какие-либо приложения, к тому же и, в целом, возлагают всем сказочно приукрашенный материал, лишенный напрочь того самого материализма, без которого порой многие просто не могут существовать.

Та трагедия дня случилась уже давно, но в памяти веков все же сохранилась, дойдя до времени настоящего в более-менее правдоподобном виде.

Настоящего же не знает никто, и именно с этим Вы можете познакомиться поближе, читая предложенный ниже материал.

Чему Вы поверите больше: тому старому или этому – это будет зависеть от состояния ума и личного не безразличия ко всему происходящему.

И именно ему, а никак не давно произошедшему, ибо настоящее диктует свою волю признания Христа в ком-то из состоящих на Земле людей.

Пути признания того различны и могут иметь свои стороны развития.

Но, в целом, повод для этого есть, и тем же Богом установлено время опознания подобного оповещения в сердцах и душах людских, верующих и не таковых, страждущих или просто сгорающих от любопытства в деле том, представленном всеми церковными и прочими пастырями божьими во времени настоящем, как упась вселенская от всего мирозряче стоящего.

Как сложится то самое людское мнение – таким и обратится для всех мир в обозначении вновь прибывшего на Землю Христа.

Пришествие состоялось и это воистину подтверждено самой жизнью. Но, к великому сожалению, не выразилось так, как и должно было бы стать, уподобляясь настоящему воскресению Христа в людской стати вновь.

Вина тому – люди. Их истинное безразличие ко всему и их наносные черты всякой святости, не говоря уже просто о пороках и веры попрациях в различных грехах.

Разбор всему тому, очевидно, последует и по сути дела он уже происходит, воздавая череду брани людской то по одному, то по другому поводу.

Лик Христа давно стерт во времени падшем, а его деяния и вовсе определены по-иному.

И в этом вина есть премногих, а за нею, как водится, должна и вся отповедь быть, или просто ответ на все то последовать.

И совсем не сказочными кажутся кануны уже настоящего дня и вовсе не было и нет ожидания того прихода Христа, что еще раз и доказывает мою правоту, и подтверждает приведенное ниже, отбрасывая в сторону ту раннюю библейскую приветственность, якобы содержащуюся в душах людских.

Не было того тогда и нет истинного в душах выражения уже сейчас, чему доказательство само наше время со всеми напыщенными для него атрибутами.

То есть горькая участь людская, в очередной раз снискавшая себе славу изгнания посланника божьего с самой земли божеской и их же совместно.

Таков завет настоящего времени и по умолчанию все так и произойдет.

Но все же, пока почитайте. Узнайте то наше время сегодняшнее во времени давно прошедшем. Подивитесь тому и удивитесь снова.

А не то ли оно вновь наступило, что для одного – рай, а другому – ад самый сущий тот при всей его жизни?..

Содержание

«Крестоносцы» – эпос человеческого христианского повествования.

Книга рассказывает о реальной, а не придуманной истории Христа и его матери. В этом ее главное отличие от библейской истории, во многом приукрашенной событиями времени и отношением людей.

Книга сюжетна и полностью раскрывает дух того времени, одновременно излагая события в том порядке, в котором они действительно происходили.

Во многом определяется суть и прямота речей самого Иисуса Христа и здесь же раскрывается весь смысл его высказываний, так часто и не повторно излагаемых другими, начиная с учеников и уже далее их последователей.

Здесь же раскрыт полностью весь смысл предательства Иуды, которое на многие века отравило целый народ в изгнание.

Было ли оно на самом деле и как что произошло?

На этот вопрос и отвечает книга и дает правдивое опровержение тому, кто по злой воле участников того времени, даже не задумываясь над последствиями совершенного, сотворил настоящее святотатство, принудив многих и многих страдать через века.

Достаточно подробно описывается сама казнь Христа, его вознесение, при этом указывается на факты прямой помощи свыше.

В целом книга – это реальная помощь любому, пожелавшему действительно поверить в сущность бытия Христа, в несправедливость и устрашающее во времени предательство, сотворенное только для того, дабы очернить самого Иисуса.

Книга будет интересна всем читателям от самих христиан до иудеев, ибо они, как никто другой, наиболее заинтересованы в торжестве справедливости или хотя бы в опровержении непростольного греха, якобы совершенного их соплеменником.

Обо всем этом рассказывает первая часть произведения.

Во второй части повествуется о попытке второго пришествия Христа и всё том, что с этим было связано.

Как восприняли люди чудеса уже в средние века, что дало им церковное восприятие греха и какова цена правды, за которую пришлось уже новому ученику заплатить священным костром инквизиции.

Книга жива сюжетной строкой и насыщена различного церковного характера выражениями. Она дает истинно понять, в чем же действительно состоит разница каких-то крылатых высказываний, а где их исковерканная людьми лживость.

И, наконец, третья часть рассказывает о готовящемся новом пришествии, давая понять читателю, что ничто не забыто, а справедливость все же будет торжествовать, даже пройдя сквозь века. Книга поможет самому простому разобраться в сути исповедания, и воспринять саму веру истинно своим смыслом ума.

Вступление

Роман «Крестоносцы» – это рассказ о тех далеких временах, когда христианская вера только возрождалась на Земле.

Сам по себе он немного сокращает путь поиска нового в забвенно забытом старом.

Герои романа не новы, и их знают все. По крайней мере, так хотелось бы думать на сегодня.

Но вместе с тем, есть одно совершенное различие, отличающее псевдоутопический характер всех прежних высказываний во времени, сделанных теми или другими людьми, от настоящих целлюлозно-бумажных способов преподнесения всего апостолического и морального.

Роман суров и справедлив своей жестокой апосторалью развития событий.

В нем нет жалости, идущей к нам извне. Люди становятся изгоями того времени, и это дает им шанс выжить в сложившейся очень обостренной ситуации на самой Земле. Возможно, кому-то покажется, что книга мало реалистична или слишком категорична.

Но это только первое впечатление. Попробуйте войти в нее и понять, что главное, а что нет. Это и будет уже вашим настоящим прииском ума дня насущного.

В произведении нет аналогичности событий, как то повествуют все ранее изложенные тексты времен, включая сюда и Библию.

В большей степени оно опротестовывает некоторые сходные по замыслу детали высказываний или напрямую развенчивает уже уложенное в нашем сознании великолепие истреппи лжецов.

Если и была правда – то вовсе не такая, какую хотят сейчас залить горечью молебных слез или чем-то более материальным – отдельные свитообыватели духа времени.

Память веков – это исключительная память времени. И если сейчас, в настоящее время, ею не обладает практически никто, за очень редким исключением, то спустя годы, в силу практически таких же изменений, что произошли когда-то не в самую лучшую сторону, такого рода памятью овладеют многие.

И дело здесь вовсе не в каком-то своеобразном образе восприятия окружающего. Все, что пишется, во многом основывается на фактах. Только не придуманных кем-то ради своего убажания в будущем, да, что греха таить, даже и в настоящем, а воскресших в памяти, как живое наследие того времени.

И пусть, это произведение кому-то не нравится из числа былых, либо настоящих творцов усопшего мира. И пускай, оно не будет слащаво насыщенным и опорочивающим звание обычного человека. Дело совсем в ином.

Оно должно рассказать людям, как действительно было сложено во времени то, что закрыто сейчас под тайной печатью Иерусалимского греха.

Люди – не вечность. Но в них горит всегда та искорка живой жизни, которая и содержит эту всепространственную апостораль.

Согласятся ли с этим те, кто, сегодня возлагая кресты у могил или где-то еще, стоит частью своею у истоков веры – неизвестно.

Но той же волею сверху будут написаны эти строки и если что и подобает быть всеузнанным, то именно это, ибо нет ничего более святого на сегодня, чем знать правду того дня в самой ее истине.

Давным-давно, в годы Еврастийского опиуса, когда на Земле людей было совсем мало, один из тех мудрецов говорил: «Да, будет земля наша богата и сыта чревом, и да исполнится сила ее, будь мы покаяе.» Он умер, но слова остались. И продолжают жить до сих пор. Неужто,

мы все, уходя от тех далеких времен, не хотим до сих пор принять это целомудренное высказывание непризнанного гения эпохи праправедных исполнителей указов.

Само по себе подобное высказывание может либо изменить направление развития собственного ума, либо, наоборот, что-то дополнить такое, которое до жадности внутри раскроет душу и откроет занавес тайны веков.

Иногда говорят:

«Не угодя всем и вся, дай прорости семени правды, ибо только оно способно внутри чрева каждого опостыть и заставить всковырнуть землю общей пахоты лжи».

Так и в этом романе. Если мы не боимся той грянувшей ранее беды, то и не надо возлагать самим себе дань иноверцев, застывших во времени и ниспославшим себе верность победному духу племен, взрослых на общей для всех Земле.

В книге представлено довольно большое количество судеб, располагающихся во времени с самого первого ростка христианского племени. Она пронесет вас над бездной павших под ножом утрат веков и волей-неволей заставит задуматься.

Произведение закрывает некоторым глаза на прошлое самих себя, и оно же открывает для них новое в насыщенном бездушье настоящего.

Роман «Крестоносцы» располагает тремя основными категориями своего развития. Он начинает свое первое повествование с момента прихода на Землю новой исповедальной веры и заканчивает днем настоящим.

Средина его пути пролегает в средневековье, которое довольно широко описывает наглядность дня настоящего, невзирая на разность времен.

Путь самих героев показывает, насколько близка человеческая обычная дружба и настолько может быть коварно-лживой перенесенная радость порыва искренней любви в соответствии с духом потворного времени какого-либо столетия.

Книга предлагает ту правду жизни именно такой, какая она есть, совсем не забирая при этом весьма дорогого на сегодняшний день времени. И все же, хочется верить в то, что, уходя от тех репрессий, мы сможем выразить самих себя в более лучшем исполнении, нежели это было до дня настоящего.

Многое – исполняет немногое, так же, как и наоборот.

Эти слова не сказаны автором, но они подтверждают его уверенность в своей правоте. На этом я заканчиваю небольшое вступительное слово и предлагаю саму книгу к чтению. Возможно, ее первые страницы укажут вам на что-то или позовут к чему-то. Прикоснитесь к ним, и вы поймете, какую правду мы вознесли в душе, построив уже современный, насквозь пропитанный ложью мир.

Если и есть ум на Земле, то он не пришел бы с пустыми руками. Это не голая фраза. В ней заключена огромная значимость уже настоящего.

Читайте и исповедуйте, но только не плачьте во времени. Слезы не искупают вину. Они только ее подтверждают и даже частью усугубляют. С уважением, автор.

Раздел 1. Путь истины

Глава 1. У истоков

В те далекие времена, когда еще море не заходило так далеко вглубь той земли, на свет, именуемый Палестиной, родился мальчик, довольно простой, но вместе с тем, было в нем что-то, по существу, неестественно-необычное.

И на то время в его глазах еще не светилась правда, отождествляющая и ставящая в ранг победоносца, а небольшое светлое личико лишь отражало обыденность буднего дня.

Но свет взгляда, полный блеска и теплоты, склонившейся над ним, матери, придавал все же ему упорную веру в свою выживаемость и давал слабую искру надежды на исполнение воли верхов.

Мать не могла оторвать глаз от спящего младенца, и все время тараторила про себя какую-то забытую всеми старую поговорку, доставшуюся ей в наследство от своих, давно отошедших в мир иной предков.

Она была также одинока, как и рядом спящий малыш, у которого не было отца и даже отведенного ему положенного места под крышей.

Всего лишь небольшой пальмовый навес и довольно худенькие стены, сколоченные наспех ею самой, обогривали их, сохраняя небольшую уверенность в том, что они смогут добраться до своих спустя время, так постыдно бежавших от них и бросивших на произвол судьбы.

Женщину изгнали со своего племени за ее не искреннюю, как им казалось, исповедь. Она рожала ребенка ни от кого. И их это пугало, ибо они думали, что этого быть не может.

Значит, она врала. И чем больше в их же глазах оправдывалась, тем крепче росла убежденность в ее виновности.

Откуда могли знать эти жалкие, совсем обнищавшие люди о том, что такое вполне возможно.

Но никто не помешал решению главного поводыря лишить эту маленькую хрупкую женщину своей защиты, и никто не последовал ее решительному примеру отступить самой от такой вакханалии первородного греха.

Она осталась одна. Сама по себе, наедине с окружающей ее постыдной безжалостностью времени. Но глубоко уверенная в правоте своего поступка, женщина не отступилась.

– Уходить, так уходить, – тогда твердо решила тогда она, отступая в сторону и прячась за какими-то кустами.

Они не заметили ее ухода, да и кому было до этого дело. Племя спасалось, убегая вглубь земель. Их довела до этого нужда.

Но нужда, не воскрешенная правдой бытия, а другая. Их гнала все дальше и дальше осыпная вошь, так они называли эту заразу, подвергающую их самих уничтожению, а землю – неплодородию.

И племя торопилось, ибо чувствовало, что где-то там, позади них бежит во всю прыть и хочет достать зло. Настоящее зло, нечеловеческого происхождения, как они же и говорили.

Но, объяснить его все же не могли. Сады были окутаны какой-то темной паутиной, распостраняющейся неведь откуда, корни деревьев усыхали, а летучая тьма огромных полчищ вши, казалось, полностью застлала землю их предков.

Они ушли уже довольно далеко от тех мест, когда эта сухонькая одинокая женщина бросила их.

И сейчас, сидя в этой небольшой заветренной хижине, она молилась про себя о спасении и с горечью поглядывала в сторону их прежнего дома.

Но беда не заставила себя долго ждать. Спустя пять дней с момента рождения ее сына, и эту часть земли окутала поволочь вши.

Так же, как и у них, деревья осыпались от цвета и сбрасывали с себя листья.

Мать с ужасом наблюдала, как огромная туча черной поземной твари приближалась к ее небольшому жилищу. Она в горе своем закрыла глаза и, прижав к груди спящего младенца, тихо заплакала.

Слезы покатались из глаз и оросили лицо ребенка своей горьковато-соленой влагой.

Он проснулся, но не заплакал, а поискал губами грудь и, молча, к ней прильнул. Мать приоткрыла глаза и немного осмотрелась.

– Что это? – тихо проронила она, и глаза ее сильно расширились.

Женщина не могла поверить в такое.

Вся осыпная вошь в округе их жилища застывала и погибала, образуя собой нечто вроде небольшой заставы.

Остальные же, идущие позади, натываясь на свои первые ряды, либо так же застывали, либо пытались поскорее обойти, дабы избежать такой участи.

– Это чудо, чудо, – снова зашептала мать, радостно улыбаясь сквозь катившиеся градом слезы и прижимая плотнее свое дитя к груди.

От небольшой боли ребенок заерзал и тихо захныкал. Мать победоносно посмотрела вокруг и с улыбкой на лице произнесла:

– Мы выживем, мой малыш. Я знаю, боги не дадут нам погибнуть.

Женщина с опаской осмотрелась вновь по сторонам, словно боясь, что чудо исчезнет, но все оставалось по-прежнему и это еще больше вселило ей надежду на их выживаемость.

Она обратила внимание на свой сделанный ранее запас фруктов и даже нескольких овощей.

Судя по всему, ей хватит на первое время, а там будет видно, как поступить. Пока же ее радовало лишь одно. Они не остались в беде и кто-то, очевидно, сильно хочет их выживаемости.

Мать снова помолилась про себя и даже немного всплакнула. Но то уже не были слезы отчаянья.

Это были слезы небольшой уверенности в их будущем и в том, что совсем скоро они попытаются настичь свое племя.

«А, нужно ли это? – подумала неожиданно женщина, внезапно испугавшись за свою дальнейшую судьбу, – вдруг, они не примут ее или еще хуже, причинят какую боль ей и дитя. Нет, – помотала она головой, – лучше я как-нибудь побуду сама, пока мой малыш хотя бы не станет на ноги», – и мать снова сильно прижала его к своей груди.

Но мальчик не обратил на это внимания. Насытившись, он уже спал, и небольшое оказанное давление осталось незамеченным.

Осмотревшись по сторонам, она увидела, что погань и дальше продолжала свое движение на восток, не обращая на них никакого внимания.

«Это знак господний, – подумала вновь женщина, – значит, мне суждено пробить тут довольно долгое время, – и словно в подтверждение ее мыслям где-то вдаль прогрехотало, – наверное, будет дождь», – прошептала она, набрасывая на себя сверху худенькое покрывало, но все же способное хоть как-то уберечь ее тепло для единокровного малыша.

Спустя время грянул дождь.

Даже не дождь, а настоящий ливень. Он разогнал накопившуюся массу неизвестно почему погибших тварей, и почти освободил от того надежного пальмового покрова, который хранил их молчаливое тепло.

Но это не пугало молодую женщину. Она прикрыла своим телом мальчика и спряталась под тонкой вязаной тканью, желая хоть как-то сблизить свое тепло с теплом ребенка, чтобы обогреться им обоим.

Наконец, дождь прекратился, и наружный шум потихоньку стих.

Женщина приподняла голову. Где-то вдали ясно виделся чей-то образ.

– О, господь, неужто я вижу лик господа нашего, – прошептала тихо она и быстро спрятала лицо под мокрое покрывало.

Минуту спустя, мать снова бросила туда взгляд, но уже не увидела ничего.

– Наверное, я под покровом какого-то бога, – зашептала женщина, осматриваясь вокруг себя.

Пальмовый навес был практически уничтожен, а и без того хилые стены жилища разлетелись вовсе.

Она сидела под открытым небом и согревала теплом своего ребенка, даже не пытаясь что-то предпринять для совершенства своего временного убежища.

Вскоре выглянуло солнце, и через пару часов на земле восторжествовало тепло.

Женщина внимательно осмотрелась вокруг. Нигде не было видно той поганившей все вещи.

Она исчезла, как будто растворилась. И лишь тщательно всмотревшись в близлежащие места, мать поняла, что та унеслась куда-то вместе с последними каплями дождя. Деревья освободились от гнета, и, казалось, радостно вздохнули, предлагая свои уцелевшие в битве плоды оставшимся здесь людям.

Спустя час, когда уже все хорошо подсохло, мать тихо положила малыша на небольшой, сделанный из тех же веток помост и, прикрыв его уже высохшей на солнце тканью, занялась ремонтом своего жилья.

Она принесла большие толстые жерди и, глубоко загнав их в землю, связала между собой крепкой травянистой нитью. Затем к ним же приторочила более тонкие, сделав из них хорошую основу для будущего переплетения пальмовыми листьями.

То же проделала и со сторон, таким образом хорошо защитив себя от внешнего холода и всякого пришлого зверья.

Поискав на дороге, неподалеку от своего жилища самые большие камни, она занесла несколько вовнутрь. Сложив их горстью, затем вкопав немного в землю и перемазав глиной, женщина сделала примерное углубление для разведения костра.

После этого, отправившись снова поближе к дороге, принесла большое количество сухих дров и сложила в углу хижины.

Затем нашла кем-то оброненные копыта с небольшими частями доспехов и так же занесла их внутрь.

Теперь, у нее было чем оборонять своего сына и даже на чем печь толокняные лепешки.

Само зерно она немного насобираала в чуть поодаль находящихся, наспех брошенных участках земледелия. Беда насильно угнала многих с давно обжитых ими земель, что давало возможность найти ей хоть какую-то помощь в пище для себя и своего младенца.

Работа не прекращалась до самого позднего вечера.

Ребенок все это время спал, лишь изредка просыпаясь для повторного кормления.

Казалось, он действительно знал, что от него требуется в настоящее время, и не мешал матери исполнять волю предков в умении приготовить себе в любых условиях самое обычное убежище.

Женщина попыталась разжечь небольшой огонь, приспособив к этому тоненькие сухие палочки деревьев, но из этого ничего не получилось, и она в изнеможении опустилась на землю, вытирая рукой капли обильно устлавшего ее лоб пота.

И тут ей на помощь пришла сама природа.

Уловив в ее далеком отливе какой-то блеск, женщина встала и пошла ему навстречу.

Подойдя ближе, она увидела что-то похожее на кусочек прозрачного камня. Женщина посмотрела по сторонам. Больше ничего рядом не было.

Тогда она взяла его в руку и покрутила в лучах предвечернего солнца.

Несколько раз перед ее лицом вспыхнула какая-то искорка света. Женщина присмотрелась к камню и увидела, что одна его часть чем-то посечена, что придавало тому вид не совсем гладкого и удобного в руке.

Тогда она направила его этой частью к солнцу и обнаружила, как небольшой лучик света отразился на земле. Женщина присела и поднесла камень ближе, и в ту же секунду на земле вспыхнула и задымилась какая-то сухая травинка.

Она бросила камень и испугалась. Но потом, осторожно подойдя к нему ближе, взяла его опять в руку и сделала, как прежде.

И снова он вызвал небольшой дымок на сохшейся траве.

– О, боги, вы даете мне вновь чудо, – тихо зашептала она, бережно зажимая в руке этот камень и уходя к себе в хижину.

Разложив там небольшую сухую охапку травы, мать поднесла камень к свету.

Минуту спустя всюду похлал огонь. Это ободрило молодую женщину и даже привело в небольшой восторг. Она бережно положила камень в один из кусочков разорванной ею небольшой ткани и, наскоро приторочив его к своей одежде, занялась ведением своего небольшого хозяйства.

Огонь разгорался. Женщина положила охапку более толстых дров и на время удалилась.

Через короткое время она возвратилась с глиняным изделием в руке, сделанном в скором порядке. Пришлась обжигать его на костре.

В хижине возник запах гари, и это разбудило малыша. Он захныкал и заерзал на своем настиле.

– Потерпи, потерпи, маленький, – тихо говорила мать, продолжая свою работу.

Ей, во что бы то ни стало, нужна была вода, ибо без нее долго не протянешь.

Обжигая руки и стараясь как можно ближе держать сделанную ей посуду к огню, женщина то и дело посматривала по сторонам.

Но не было никого, кто был бы способен ей помочь и в случае чего оградить от опасности. Везде, куда не посмотри, не было видно никаких движений, и упорно стояла тишина.

Хижина постепенно наполнялась дымом, и мальчик снова захныкал.

Мать на минуту отложила все в сторону и приблизилась к малышу.

– Не плачь, не плачь, прошу тебя, – тихо молила она его, присаживаясь рядом, чтобы покормить грудью.

Дым немного ушел, и в хижине посветлело. Ребенок снова заснул, не обращая внимания на окружающее.

Мать с болью посмотрела на его вспухшие от недомыва места и, уложив на место, принялась еще с большим усердием за работу.

Сейчас самым главным для них была вода. Страх перед вновь создавшимися условиями заставлял женщину трудиться не по мере сил.

Ее руки сильно обгорели и в некоторых местах даже начали пузыриться. Но, стискивая зубы, она продолжала свою работу.

Наконец, с первой посудинкой было закончено и отложено ею в сторону. С минуту женщина передохнула, а затем продолжила уже с другим, подобным чаше изделием.

Через два часа ее желания достигли нужного результата. Руки вконец были обожжены и представляли собой какую-то живую рану, из которой сочилась жидкость.

Но женщина как будто не чувствовала боли. Ее внимание было занято осмотром четырех появившихся на свет посудин для воды.

Наконец, она удовлетворилась осмотром и тяжело опустилась на колени рядом с малышом.

– О, боги, помилуйте нас и пощадите, – тихо молилась мать сквозь бурно наступающие слезы, уже потихоньку начиная чувствовать в руках боль. Спустя минуту, она успокоилась и решила сходить за водой.

Солнце село, и по земле уже пробежали первые полосы темной ночи. Но она не отказалась от своего намерения и решительно направилась к выходу, прихватив с собой пару новоиспеченных посуды.

Уходя, мать немного задержалась на входе и, подумав, решила прикрыть его наспех сделанной дверью из остатков жердей и пальмового листа.

– Так будет спокойнее, – тихо сказала она, осматривая снаружи свою работу.

Дверь практически закрывала весь проход и не давала теплу особо выходить наружу.

Огонь к этому времени погас, и шалаш в быстро наступающей темноте казался просто густой массой растений.

Женщина удалилась, по дороге думая о своем сыне и о постоянно идущей боли от рук.

Уже совсем стемнело, когда она подошла к какому-то ручью, стекающему от далеко стоящих гор.

Попробовав на вкус воду, женщина довольно улыбнулась. Она показалась ей слаще любого приготовленного сиропа. Мать жадно припала губами к воде и вволю напилась. Затем обронила в ручей чашу и стала медленно наполнять другую посудину.

Сквозь гущу темноты и устоявшуюся тишину, очень ясно послышался вдали детский плач.

Женщина встрепенулась и вслушалась. Плач повторился и эхом отозвался в полупустынной местности.

Наспех хватая в руки кувшин и чашу, она бросилась со всех ног обратно к хижине, по дороге то и дело наталкиваясь на кусты или разбивая ноги о камни.

Наконец, мать добежала до убежища и влетела в почему-то приотворенную дверь.

Даже в темноте, она ясно разглядела чьи-то огромные сверкающие глаза, почти в упор смотревшие на нее. Женщина бросилась к копы, лежавшему у входа, но зверь, видимо, предупредив это, оказался проворнее и быстро выскочил из хижины на улицу.

Мать подбежала к сыну. Он тихо сопел, и только мокрое личико свидетельствовало о том, что его облизало животное.

– О, боги, – взмолилась женщина, падая на колени возле малыша, – неужели, вы оставите нас, и мы пропадем, – и она горько заплакала, прислоняя лицо к спящему младенцу.

Сухое рыданье продолжалось несколько минут. Затем мать подняла голову и, посмотрев на ребенка, сказала:

– Нет, я не верю, что после того, что случилось с нами, что-то произойдет, – это, конечно же, моя вина. Не надо тебя бросать одного, – и, взяв тихонько ребенка на руки, женщина медленно пошла к тому же ручью, на ходу прихватив с собой еще одну посудину.

Спустя полчаса она вернулась и, уже осторожно открывая дверь, долго всматривалась в темноту хижины.

Там было тихо. Женщина поставила кувшин, почти доверху наполненный водой, и, захватив другой, снова пошла обратно.

Через час она уже сидела в хижине и отдыхала, сквозь окружающую мглу наблюдая за своим сыном.

Чуть подогрев воду на еще не остывших до конца углях, мать решила помыть малыша и переложить в чистую холщовую ткань, сотканную когда-то ее матерью.

Ребенок немного захныкал, но потом все же успокоился и уснул.

Мать, плотно закрыв за собой дверь и привязав травянистой нитью ее к одной из основных жердей, легла рядом с сыном и через мгновение уснула.

И снился ей сон, что видит она своего младенца где-то на небесах выше всех туч в непонятных одеждах и неизвестно с кем. Проснувшись, она даже испугалась, но посмотрев на рядом лежавшего ребенка, мгновенно успокоилась и снова уснула уже до утра.

С восходом солнца и с ранним плачем малыша по материнской груди, она проснулась.

Быстро взяв ребенка на руки, мать утолила его жажду, и спустя десять минут он продолжил спать дальше. Она же, наскоро умывшись, принялась за разведение огня и приготовление пищи.

Поступив, как и вчера с камнем, женщина очень быстро развела огонь, и вся окунулась в домашние хлопоты. Натолкла на камнях зерновой муки и испекла на доспехах несколько лепешек.

Затем натолкла еще немного и снова испекла, делая себе запас на вечер.

После этого, съев одну лепешку и подкрепив себя свежими фруктами, мать взялась за приготовление маленькой купели для ребенка.

Она принесла к хижине глину и принялась лепить задуманное. Спустя некоторое время у нее получилось то, что хотела.

Теперь, оставалось его обжечь на костре и немного сгладить внутреннюю часть от шероховатости.

Недолго думая, женщина вложила внутрь пальмовые листья и, аккуратно приглаживая их рукой, сверху нанесла тонкий жидковатый слой глины.

Та растеклась в стороны, и заполнила ненужные щели, образовав достаточно ровную и гладкую поверхность. Затем, подождав немного, чтобы глина как следует впиталась, она принялась обжигать рукотворение, подставляя под огонь свои искалеченные руки.

И вновь, как и вчера, она не чувствовала никакой боли. Лишь только изредка, переключая из одной руки на другую, она что-то ощущала, но и это не останавливало ее. Добившись же нужного, мать вышла из хижины и поставила небольшую купель на солнце.

– Пусть, еще и оно ее обогреет и обласкает, – тихо прошептала женщина, – может, это принесет больше радости в наш небольшой дом, – и она с грустью посмотрела на их убежище.

Когда-то, казалось, совсем недавно, и у нее, как и у всех бежавших, был довольно прочный дом и хоть скудная, но все же какая-то утварь.

Но время лишило всего этого, заставив сейчас опереться только на свою собственную участь и ее маленького сына, которому сегодня исполнилось всего шесть дней.

Но она, несмотря, ни на что, боролась и думала, что они не погибнут. И поверила в это вдвойне, когда вчера ее малыша не тронула даже одинокая хищная тварь.

Женщина посмотрела по сторонам. Ни одного движения, ни одного знакомого звука. Только тишина и где-то едва слышимое шуршание травы от рыскающих повсюду ящериц.

Солнце вставало над ее головой и отдавало свое тепло тому простому изваянию рук человеческих, на которое была способна одинокая, покинутая всеми мать.

Оно ласково согревало и саму женщину, немного дрожавшую от утренней прохлады, окружая ее своей заботой и вниманием.

Мальчик проснулся и снова попросил есть. Мать вынесла его из хижины и, устроившись удобно на солнце, принялась кормить.

Наевшись, младенец немного поиграл, думая о чем-то о своем в этих глубоких, пока еще не выразившихся до конца глазах, а затем снова заснул, прибегая к помощи той же груди.

Мать также немного вздремнула, и солнце сполна отдало им свою теплоту, насыщая лучом пространство и еще более освещая уходящую темноту уже прошедшей ночи.

Близилось настоящее утро, полное тепла и света. Они спали, а природа молча оберегала их, и даже где-то там неподалеку притаившийся зверь не смел нарушить их обоюдный покой.

Шел шестой день рождества Христова, опоясывающий всю землю новым видом обогащенного тепла и вносивший свои сильные стороны в беспомощную окультивацию самих человеческих жизней.

Еще никто не знал о его рождении, и еще все думали, что нет на свете Христа.

Это и было той праздной в бытующем эпосе ошибкой, которая заслуженно относилась к самим людям того пустынно идущего, тщедушного времени.

Не боль и не голь рвущегося на части тела оскверняла субординацию исполнения любой протекающей в быту силы власти. Обычная людская злоба пролегла в основе настоящего светорождения Христа.

«И, да ниспослал нам Господь сына своего на Землю во имя блага и тепла, и света», – так споют потом люди-грешники, в ту пору принимавшие в этом процессе немаловажное для самого Христа жизненное участие.

Но так будет потом. А тогда, они сами усугубили свою вину, создав все условия для ободлева человеческой цели рождаемости и, сопутствуя своему же горю, усугубляли эту вину и дальше, исповедуя в себе самих и не приветствуя восходящую совесть потока.

На седьмой день жизнь нормализовалась, и мать с только что проснувшимся младенцем все так же улыбнулась солнцу. Но их бедствия только начинались, несмотря на их силу возникновения и даже, невзирая на силу поднебесья.

Вверх идущий по течению – обязан добиться его истока. Таков был завет его воли сверху, и таковой сказала сама его жизнь.

Глава 2. Исповедь греха

«Укажуй, но помнят, что ниспослание верха – есть воля и пророждение нового в искренне восходящем свете», – гласит настоящая Библия о делах житейских.

Но, что лежит в основе этого, уже всенародного эпоса? Попробуйте, разберитесь.

Важен смысл не только как инаугурация восхождения, но и как не колеблющиеся во времени проросли вглубь уходящей правды.

Но продолжим наш рассказ и осветим путь от истока до пророка, несмотря ни на какие субординации права, и даже не взирая на усталость от своеобразия подобного словоизложения.

Мальчик рос, казалось, не по дням, а по часам.

Мать даже немного удивлялась этому. То ли это происходило от довольно частого кормления, то ли от того, что она очень часто молилась за его благополучие и здоровье в этом окружающем, почти мертвом мире, пугающим издали своей мертвецкой бледностью в опоясывающей зеленой примеси деревьев.

Тишина уже была условной необходимостью их близкого общения с природой и даже иногда пугала своей возрастающей глухотой.

Прошел месяц. Мальчик подрос и уже не казался таким слабым и беспомощным, как это было вначале.

Мать без усталости приглядывала за ним и, почти не переставая, молилась богу за их спасение.

Наверное, за этот месяц она стала к нему на столько ближе, на сколько может человек, вообще, приблизиться к кому бы то ни было и даже сродниться.

И, может от того, что она поверила в свою правоту совершенного ею поступка или познала горечь судьбы многих таких до нее, женщина обрела настоящую веру в силу гораздо большую, нежели та, которой все боялись и почему-то мало преклонялись.

Изуверие стало беспричинной злобой дня. Везде измывались, глумились, убивали, раздевали догола и бросали на съедение живой твари, втыкали в одежду крохотные иглы и заставляли носить ее, дабы помнили о каком-нибудь добре, сделанном подателем настоящей власти.

И не было просить у кого помощи, кроме самого себя. И не было к кому обратиться, дабы избежать какой злой участи.

Даже узы семьи того маленького племенного общества не давали общую степень благополучного исхода. Казалось, сама природа измывается над ними. Уничтожает их же руками.

Говорили, на Землю ниспослан какой-то злодей в человеческом обличье. Но теперь, обретая в себе уверенность, жизненную стойкость и небольшую капельку настоящей веры, Мария не верила им всем.

Не было никогда такого злодея и не будет впредь. Это люди породили его в своей собственной безнаказанности, изуверии и лжеоправдании своих поступков.

Это они создали настоящее злодейство и теперь бегут от него, как муравьи от жаркого костра в стороны.

«Нет, – думалось в ту пору молодой женщине, – не может быть такого, чтобы на Земле восторжествовал какой-то не мыслимый для таких, как она, злодей. Скорее, мы сами в себе злодеи, если допускаем это с собой. К чему винить кого-то, когда сам в чем-то кому-то уступаешь и прячешься, как побитый пес в кусты. Если нет до нас дела богам, то почему тогда мы так страдаем? Значит, бог есть, ибо не было бы его – не было бы и состязаний в любви к другому такому же, позади и рядом идущему».

Так заключала сама для себя молодая мать, делая что-то по дому или заботясь о ребенке.

Ей некогда было отдыхать и в те редкие выпадающие минуты свободного времени, она просто спала, так как сильно утомлялась за время постоянных забот и хлопот.

Прошел еще месяц.

Мальчик немного подрос, а мать начала подумывать о том, как бы ей подыскать другое жильё.

Вскоре должна была наступить зима, и хотя это не сильно холодное время, все же нужно было подумать о том, как дальше существовать и где доставать себе пищу. Ведь в округе уже почти ничего не осталось.

Она с грустью смотрела на последние крохи зерна, собранного только вчера на заброшенном участке, и даже тихонько всплакнула. Нужно было что-то предпринимать. Но что?

У нее никого нет. И никому она, кроме своего сына не нужна. Кто ее прокормит, кто пустит к себе?

А если даже и пустит, то кто поверит в ее судьбу, а тем более, ее рассказу о том, что она сама выжила в этих краях.

Местность здесь была не очень гористая, но и долиной ее не назовешь.

Повсюду росло пальмовое дерево, совсем незначительная часть фруктовых деревьев и небольшие кусты плодового растения, питаться плодами которого было очень плохо, так как они вызывали потом необычайную жажду и к тому же, придавали горечь ее молоку.

Сама земля, в основном, была песчаной с примесью довольно большого количества глины, а также красного пористого камня.

Часть земель, специально отобранных местным населением, была предназначена под посевы зерновых, но даже в течение многих лет ее постоянной обработки она скудно родила, не давая хорошего урожая тем племенам, что эту местность населяли.

Мария шла сюда вместе со своим племенем. Они хотели выйти к морскому побережью, дабы попробовать соленой воды и где-то рядом с ним обустроиться.

Главный говорил, что в тех краях должна быть хорошая земля, которая даст им прибыль и удвоит хозяйство. А, может, по дороге найдут и что-то более подходящее.

Женщина снова посмотрела вокруг, и ее сердце больно заныло. Нарастала внутренняя тревога за свою жизнь и сына.

«Что же делать? – напряженно думала она все это время, – Запас почти закончился, молоко на исходе и поблизости никого нет».

В отчаянье она даже заломила руки и бросилась на землю, моля о своей пощаде неизвестно кого. Ей были известны только имена богов и их общего хранителя, но кому конкретно она молилась, Мария не знала.

И тут ей в голову после небольшого рыдания пришла странная мысль.

«Надо идти на юг и спасаться. Там мое счастье».

Женщина подняла голову и посмотрела в ту сторону. Что-то опять, как и в прошлый раз, блеснуло впереди, и она почти побежала, оставив в хижине малыша.

Но по дороге, вспомнив о нем, решительно возвратилась и, подхватив на руки, бросилась обратно в сторону мерцающего в лучах солнца света предмета.

Добежав до места, она вначале не обнаружила ничего и с удивлением посмотрела по сторонам.

И лишь внимательно всмотревшись себе под ноги, женщина увидела блестящую серебряную монету. Это блеснул настоящий динарий того государства, в котором они раньше жили.

«Значит, – решила она про себя, – племя ушло в эту сторону, то есть тоже на юг. Но, что мне это даст, если я последую за ним. Да и ушло ведь оно далеко от меня за это время».

И снова она посмотрела вперед по дороге, избитой то ли копытами лошадей, то ли огромной людской толпой, бежавшей от вшивой нечисти.

Где-то впереди что-то блеснуло, и Мария с сыном на руках пошла дальше. Дойдя до места, она нашла такую же монету.

– Что это? – тихо зашептала женщина, – какое-то чудо? Или это просто я сплю? – и она потеряла одной рукой глаза.

Но чудо не исчезало, а, наоборот, всмотревшись дальше, Мария снова увидела блеск и опрометью бросилась туда.

Так повторилось семь раз.

Когда женщина подобрала седьмую монету, то посмотрела по сторонам. Где-то впереди было ясно видно невысокое гористое скопление в виде больших камней, и она, не раздумывая, пошла в ту сторону.

Дорога постепенно уходила вправо и заставила Марию на минуту задуматься.

Но, приняв окончательное решение, она решительно направилась в сторону возвышающихся камней, по дороге осматривая окружающую ее растительность.

Деревьев стало немного меньше и кустов тоже, но зато появились какие-то всходы с небольшими клубнями в завязи, уже изрядно проросшие и дающие надежду на хоть какую-то еду.

Но самое большое чудо, которое она могла еще где-либо повстречать, ждало ее впереди.

Уже совсем недалеко от расположившихся буераком громадных камней, она увидела мирно пасущуюся на свежей траве козу.

Мария снова потеряла глаза.

Уж не сон ли это, или какое марево в глазах?

Но, нет, коза не исчезла и даже приветливо подала свой голос, увидев приближающуюся к ней женщину.

Мария подошла почти вплотную к животному и попробовала погладить ее по густой шерсти. Коза довольно отозвалась и даже потерлась о ее бок.

И снова мать порадовалась. Наверное, все же боги заботились о ней. Но, о ней ли?

И здесь впервые молодая женщина задумалась о младенце, неизвестно как появившегося у нее внутри.

«Вот оно, – подумала она, – это откровение. Значит, сын мой надлежит богам. Это они о нем заботятся и хотят, чтобы он выжил и дал людям что-то такое, что они хотели бы видеть на Земле».

Эта мысль придавала невероятную силу хрупкой женщине, и она, как бы сразу, стала вдвое старше и мудрее.

Мария подошла поближе к камням и заглянула внутрь расщелины.

Было немного темновато, но и так стало ясно, что другого выхода здесь нет.

Значит, им с сыном там будет хорошо и уютно, если, конечно, она дооборудует это место под жилище.

И мать, недолго думая, положила на траву все еще спящего малыша, подстелив небольшую холщовую ткань на сухую охапку травы, и усердно взялась за работу, лишь изредка поглядывая за ребенком и козой.

Она снова наломала пальмовых листьев и переплела ими найденные сухие жерди. Потом насобирала сухой, не колючей травы и положила сверху. После чего, сняв с себя часть верхней одежды, постелила ее, образовав хорошую и мягкую постель, как для нее, так и для малыша.

Козу она решила держать рядом с собой, а точнее, обогревать ребенка с другой стороны, ибо, что ни говори, а ночью в этой небольшой, но удобной пещере холодно. Мать обшарила руками все углы и еще раз убедилась, что другого выхода нет.

Наверное, камни свалились очень давно, и другая сторона уже порядком обросла нанесенным песком и растительностью.

«Что ж, это хорошо, – думала молодая мать, – по крайней мере, будет теплее и не так сыро».

Здесь же, в пещере она решила обустроить себе место под разведение огня и выпечку лепешек.

Но для этого требовалось сходить обратно к старому месту и постепенно перенести все сюда.

Мария решила не оставлять сына и взять с собой, но подумав, что так она слишком долго будет перекочевывать с места на место, все же пришла к выводу, что нужно оставить его здесь вместе с козой, заведомо прикрыв вход в пещеру большим, но не сильно тяжелым камнем.

Покормив малыша и поиграв с ним до той поры, пока он снова уснет, мать уложила его возле обустроившейся рядом козы на свежеприготовленную постель и, загородив вход камнем, пошла к хижине на старое место.

Назад пришлось идти почему-то гораздо дальше, чем она предполагала, но все же Мария решила добиться своего и ускорила шаг почти до бега.

Вскоре показалось и их жилище. Она быстро вошла внутрь, раскурочила старое пепелище и, сложив камни в сделанную ранее купель, пошла обратно.

Отойдя шагов пять, Мария поставила свою ношу и вернулась, решив захватить с собой хотя бы одну из больших посуды под воду. Забрав то, что хотела, она взяла на руки свою ношу и побрела к пещере.

Тяжесть оказалась ей не под силу, и по дороге пришлось несколько камней оставить в стороне. Спустя полчаса она уже подходила к заветной пещере.

Там все было тихо. Мария заглянула внутрь. Коза мирно лежала, пережевывая траву, которую ей предварительно набросала хозяйка, а ребенок спокойно спал, даже не тревожась из-за отсутствия матери.

– Фу-у, – облегченно вздохнула женщина и вытерла пот, бежавший со лба ручьем, – слава богам, все в порядке, – и она принялась заносить свой скарб.

Немного отдохнув и набросав козе еще травы, Мария отправилась обратно.

Прошло два часа. Женщина, хоть и уставшая, но все же довольная своим трудом и новыми находками, сидела в пещере и кормила в очередной раз малыша.

«Все-таки сейчас будет немного легче, – думала она про себя, всматриваясь в черты своего маленького сына, – коза даст нам молоко, надо только ее раздоить, а из ее шерсти я сплету хорошее теплое покрывало. Глядишь, через время мы здесь хорошо обоснуемся. Главное, конечно, чтобы коза не пропала», – и мать твердо решила больше ее никуда не отпускать, а сплести из травы крепкую веревку и привязать животное.

На ночь же, да иногда и днем укладывать здесь подле них. И тепла больше, и как-то спокойнее. Все-таки живая тварь рядом. И снова Мария порадовалась.

«Как хорошо, что я пошла вслед за блеском монет и нашла это место. Спасибо богам, не дали пропасть с голоду», – и она мысленно помолилась в душе за себя и своего сына

На следующий день, обследуя более тщательно их небольшое убежище, Мария увидела сверху тоненький лучик света, падающий в один из близлежащих от нее углов пещеры.

Она взяла длинную палку и поковыряла заскорузлую землю. Щель немного расширилась, а на пол упало несколько кусочков слипшейся грязи.

«Вот хорошо? – обрадовалась женщина, – значит, здесь тоже есть глина и если проделать дыру, то можно потом вымазать хорошую печь до самого верха».

Эта мысль показалась Марии сейчас самой важной, и она решительно взялась за дело, отыскивая снаружи нужный материал и хорошую для лепки глину. Вечером их жилище уже имело совершенно иной вид.

Кверху уходила каменная, слепленная глиной труба, упирающаяся прямо в потолок, а внутри была сооружена из того же материала большая печь, в которую женщина вмазала те части доспехов, на которых пекла лепешки, Теперь, у нее была хорошая домашняя помощница,

которая и обогреет в случае каких холодов, а заодно и накормит горячей лепешкой или напоит горячим питьем.

Расширив немного по углам пещеру, Мария вымазала глиной все ее стены, при этом не забывая вкладывать внутрь пальмовый лист, чтобы лучше сохранялось тепло, а постель переместила поближе к печи.

Оставался пока нерешенным вопрос с входом, и женщина твердо решила сходить еще раз на прежнее место и забрать старую, сделанную ею самой дверь.

Через два дня на входе красовалась такая же, вымазанная глиной и под цвет самих камней загородка, даже вблизи которую вряд ли можно было бы принять за дверь.

Так женщина обезопасила себя от постороннего глаза, если вообще в этих краях кто объявится. Внутри же она соорудила хорошую дополнительную перегородку, отделявшую входную часть от непосредственного жилища, что давало больше тепла и в случае чего, дополнительную защиту от неожиданных гостей.

Там же Мария расположила и копыя, подобранные на дороге, а еще через время она перетащила сюда большой щит и короткий меч, брошенные кем-то в густой траве неподалеку от пещеры.

Немного подумав, женщина соорудила себе еще и лук со стрелами, используя как нож острые края меча, а в качестве наконечников небольшие заостренные продолговатые камни.

Раздоившись, коза хорошо давала молоко, которым мать иногда кормила и сына. Тот немного кривился, но все же хоть часть отпивал из сделанной матерью глиняной чаши.

Снимая вылезавшую шерсть с козы, Мария принялась за пряжу. Через месяц у нее накопилось довольно большое количество прядильных ниток, сделанных самым обычным способом, и она взялась за вязание.

Спустя еще полмесяца на их постели лежало хорошее пуховое покрывало, дающее возможность сохранять тепло даже в холодное время.

Но Мария на этом не останавливалась. Она пряла и вязала дальше как на подрастающего малыша, так и на саму себя. К этому времени ее одежда порядком изнасилась, и нужно было что-то изготовить, чтобы прикрыть оголившиеся места.

Но не это особо расстраивало молодую женщину. Нужно было думать о козе. Чем ее кормить в зимнее время, и о том, как она будет согреваться, если вдруг солнце долго не покажется на небе.

Для животного Мария решила заготовить сушеной на солнце травы. А для себя наготовить хорошую гору дров, наломав веток из растущих деревьев.

Спустя время, когда ребенку исполнилось четыре месяца, она вдруг обнаружила в той же пещере небольшое количество обуглившихся камней.

«Наверное, кто-то до меня здесь жил», – подумала Мария и хотела уже отбросить в сторону один из таких кусков, но, почему-то передумав, бросила его прямо в печь.

К ее великому удивлению, камень возгорел пламенем и дал невиданную ранее теплоту, образовав после себя небольшую кучку тлеющего огня.

Женщина, как замороженная, смотрела на это и не могла понять, что это за чудо.

Но тут ей пришло в голову старое упоминание ее отца о том, что когда-то боги топили печь большими камнями, изымая их из самой земли.

«Вот оно что, – подумала женщина, подкладывая в еще красноватые угли новый каменный кусок, который через время, так же, как и первый, вспылал пламенем, дав такую же теплоту, – это, наверное, и есть камни богов. Как же я сразу не догадалась».

В пещере стало еще теплее и даже немного жарковато. Камень через время перегорел, оставив после себя тлеющие части углей, которые довольно долго не затухали.

Мария примерно подсчитала время поддержания ими огня и радостно улыбнулась.

«Если зимой или в какое другое холодное время не будет солнца, то я буду поддерживать огонь этими камнями, пока хватит. Надо посмотреть в округе. Может, есть где-то еще», – и она решительно направилась на выход.

Немного побродив и оказавшись позади их убежища, Мария нашла похожие куски больших подобного цвета камней. Раскопав верхнюю их часть, женщина обнаружила, что там их превеликое множество. Надо только чем-то откалывать куски. И тут она вспомнила за свой короткий меч, который часто использовала вместо ножа.

– Вот, что поможет мне в этом, – тихо сказала Мария и пошла за нужным предметом в пещеру, прихватив с собой один кусок обнаруженного ею камня.

Возле входа она попыталась его разжечь обычным способом через прозрачный камень, но тот, к ее удивлению, возгораться не горел.

Тогда Мария разложила небольшой костер из сухой травы и тонких ветвей и уже затем бросила туда свою находку. С минуту полежав, камень загорелся.

– Ага, – поняла женщина, – значит, его надо разжигать только от большого огня. Тогда, все равно нужно и дерево, и эти камни.

Сделав достаточно большой запас необходимого ей топлива, Мария занялась обустройством своей небольшой пещеры.

Она налепила много разных изделий из глины, в большей части предназначенных для домашнего обихода, и обожгла их на костре, используя при этом короткую рукоять меча, дающую возможность не касаться самой поверхности обжига.

Но были в ее скромной утвари и небольшие вещи, предназначенные для ребенка.

Мать вылепила, как могла, фигурки лошадей, козы, коров и других животных, которых она когда-то видела сама. Сейчас, конечно, они были мало нужны, но все-таки мать решила сделать это на будущее, чтобы не отнимать время в более беспокойный период его возраста.

Судя по прошлой зиме, места здесь не особо отличались холодом, но нужно быть начеку всегда. Ведь никогда не знаешь наперед, что сотворят боги и с ними, и с окружающим.

Так и проходило время в беспокойных заботах о себе и сыне, отсчитывая день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем.

Мария уже устала и ждать, когда наступит похолодание и даже подсчитывала в уме какое сейчас время.

Но холода пока не наступали, и вокруг было еще довольно тепло.

К своему удивлению, незадолго до того, как сыну исполнилось полгода, она обнаружила неподалеку в земле какие-то плоды, с виду похожие на земляной горох, но немного побольше.

Взяв один из плодов, Мария попробовала на вкус, но сразу же выбросила. Он был несъедобным.

Случайно тот угодил в разведенный ею неподалеку костер и, полежав там немного, задымил.

Женщина вытащила его оттуда и бросила в сторону. Когда он остыл, она с жалости к животному дала попробовать и ему. Та быстро съела, не обращая внимания на его вкус.

Тогда Мария решила принести еще ей такое же. Спустя минуту, она протянула козе сырой свежeweыкопанный плод. Но, к удивлению, коза не стала его есть. Немного озадаченная женщина бросила плод снова в костер, а через время, когда тот немного почернел, вытащила и положила остывать.

После этого, дождаввшись охлаждения, Мария опять протянула животному плод, и та, как и в прошлый раз, обнюхав его со всех сторон, съела.

И вновь молодая мать ушла за тем же самым, а после проделала ту же операцию, что и ранее.

Но теперь, попробовала на вкус сама. Оказалось, что так плод гораздо вкуснее и к нему даже можно привыкнуть. Накопив довольно большое количество таких земляных плодов, Мария перенесла их внутрь, а часть поджарила на костре.

Попробовав снова, она убедилась в том, что их вполне можно употреблять в пищу, а значит, выживаемость увеличится в несколько раз.

Надо только сделать запасы побольше и можно быть спокойным за себя, сына и не расстающуюся с ними козу, которая несла на себе все их заботы, горести и радости, ибо спасала им жизнь.

Шло время. Мальчик подрастал и потихоньку начинал что-то говорить.

Мать посчитала время от его рождения. Получалось, что ему уже исполнилось восемь месяцев.

К этому времени трава совсем упала и козу приходилось кормить чем придется, даже порой от деревьев сухим завядшим листом.

Оставались еще плоды, накопанные ранее, но женщина их не трогала и берегла на более холодное время. Вместо них она приспособилась давать животному небольшую часть ранее натолченного ею зерна из прошлых посевов, да прибавлять к этому ее же собственное молоко.

Сама же обходилась одной дневной лепешкой, чашкой горячего козьего молока и частью напеченных в золе найденных плодов.

Сын подрастал, и ее молока уже ему не хватало. Потому, мать начала больше поить его козьим, немного урезав себе в дневной дозе.

Однажды, как-то раз выйдя из пещеры наружу, когда уж совсем похолодало и травы вовсе не осталось, женщина обнаружила еще небольшое количество плодов, прикрытых сухой травой.

Наверное, в более теплое время их просто скрывала высокая трава, и потому не было видно.

Раскопав, Мария увидела, что они еще мельче, чем те, что запасла ранее. Но все-таки и эта находка ее порадовала.

Это давало возможность хоть как-то дотянуть до весны, пока взойдет первая молодая трава, и их коза сможет добывать пищу сама.

Она переносила все найденное внутрь и сразу же дала довольно большое количество козе, дабы она немного прибавила в молоке.

Животное с удовольствием съело все и даже попросило добавки своим голосом, но Мария не стала давать больше. Надо было экономить.

Так вот, потихоньку и двигалось время вперед. Мария к зиме еще больше исхудала и, казалось, качни ее ветер, и она упадет.

Но так было только внешне. Внутри же, женщина была полна сил и надежд, что они с сыном добьются своего и выживут в этих условиях.

Пещера хорошо обогривала их самих, а долго не протухающие угли камней давали постоянно идущее тепло, так что бояться простуды не приходилось.

Мать всячески прятала сына в сотканые ею одежды, если выходила куда-то наружу по своим делам.

Прошло еще четыре месяца.

Холода немного спали, но трава пока не появлялась. Запасы еще оставались, но Мария волновалась за их будущее и постоянно искала какой-нибудь выход из положения.

Но, что она могла сделать, если его действительно не было. За все то время, которое провела в этих краях, она ни разу не слышана ни ржания лошадей, ни людского шума, ни даже рыка какого зверя.

Словно весь мир исчез из ее окружения, и они втроем находились наедине с природой.

Однажды ночью она проснулась и услышала, как немного дрожит земля, и даже испугалась этого.

Но вскоре все прошло и напоминало просто какой-то кошмарный сон. И только днем Мария обнаружила появившуюся в ее печи небольшую щель, дающую понять, что это было действительно, а не во сне.

Женщина даже испугалась: а вдруг, эта пещера рухнет на них, но тут же подумала:

«Нет, раз боги упрятали нас здесь – значит, они знают, что мы в безопасности. Вот только еда на исходе, а так все ничего».

И словно в ответ на ее такое беспокойство внутри головы что-то треснуло и заговорило: – Живи здесь и не бойся. Так надо. А есть поищи под ногами.

И после этого все исчезло. Мария испугалась пуще прежнего. Неужто, боги заговорили с ней? Как же так? Этого не может быть! Или, может, это ей чудится так?

И тут голос зазвучал снова:

– Слушай и подчиняйся. Не думай о своем, думай о сыне. Он твоя вера и успокоение.

Мария пала на колени и начала молиться, но тот же голос приказал:

– Встань и иди поищи в земле то же, что и раньше, но ищи лучше. И не забудь весной окопать все и вкинуть семя, а также плод.

– Хорошо, хорошо, я исполню, – зашептала испуганная Мария, – только не гневайтесь.

Голос смолчал, и женщина, поднявшись, вышла наружу, прихватив с собой меч, чтобы раскапывать нужные места.

Она долго бродила по пустому полю, но ничего не нашла и, уже возвращаясь обратно, услышала:

– Ты плохо смотрела. Ищи там, где искала уголь.

– Какой уголь? – хотела крикнуть она, но тот же голос добавил:

– Тот камень, который горит.

И Мария послушно двинулась дальше, обходя свое убежище.

Теперь, когда чей-то глас руководил, ей было немного легче и спокойнее, чем прежде. Но тот же спокойный голос предупредил:

– Не жди, что будем увещать тебя так дальше. Пользуйся тем, что у тебя в голове дано самой природой твоего рождения. За сына не тревожься, но и не бросай его, где не следует. Пока прощай и надейся на хорошее.

Женщина мысленно попрощалась, и какой-то внутренний треск прекратился.

Голова сразу заболела, и стало немного тошно. Она присела на землю, но тут же спохватилась. Надо беречься, не ровен час, заболеть. И, немного постояв, Мария двинулась дальше, внимательно рассматривая участки земли.

Наконец, она нашла то, что искала. Голос не обманул. Мария поковыряла мечом сбившуюся землю и опрокинула наружу сразу несколько плодов.

– О-о, да их тут много, – невольно вырвалось у нее вслух, и она дальше продолжала рыхлить грунт.

Спустя час, женщина накопила довольно много таких плодов и принялась понемногу переносить внутрь жилища.

Каким же было ее удивление, когда, войдя в пещеру, она увидела стоящего сына, пытающегося пройти вдоль стены.

То были первые шаги по земле Иисуса, и то было первое знамение ей о том, что она родила настоящего человека.

Мальчик не был похож на остальных, какими она помнила других детей. Он был более покладист, более доверчив, без надобности не капризничал и даже сам научился ходить.

«Возможно, его научили этому боги, – подумалось Марии, – но как, она ведь от него не отходила ни на шаг, разве что на чуть-чуть.»

Мать подошла к ребенку и, бросив свой найденный скарб в сторону, протянула руки. Он быстро пошел ей навстречу. И снова она удивилась.

«Нет, – подумала мать, – это не обычный человек. Наверное, он из самих богов».

Мальчик дошел до ее рук, держась за стену, а затем бросился в объятия.

Мария крепко прижала сына к себе и заплакала. Уже тогда она поняла, что он не будет принадлежать ей, а скорее всего, его заберут на небо.

– Вот только зачем я родила его на Земле? – думала она про себя, утирая слезу и все так же прижимая малыша к себе.

– Ладно, сынок, посиди здесь, – обратилась она к нему после непродолжительного молчания, – я пойду, занесу нашу еду.

Мальчик посмотрел ей прямо в глаза, немного кивнул и сел на пол. Она пересаживала его на их общую постель и, обратившись совсем по-взрослому, сказала:

– Посиди здесь, я сейчас вернусь. Хорошо?! -

тот опять слегка кивнул и опустил глаза, подавая знак, что занят своим делом.

Мать дала в руки игрушку и добавила:

– Вот, поиграй с ней. Она хорошая. Это я ее сделала, – и уже после этого направилась к выходу.

Фруктов было много, и за один раз унести не удалось. Потому, ей пришлось возвращаться сюда еще дважды. Но Марию это не смущало.

Привыкшая к тяжелому труду еще с детства, она подчинялась сухому закону природы. Выживает тот – кто сильный.

Занеся последнюю часть накопанных овощей, Мария плотно прикрыла дверь, чтобы не убежало драгоценное тепло и отправилась, помыв руки, к своему ребенку.

Тот игрался врученной ему игрушкой и как-то очень внимательно всматривался в ее очертания.

– Конь, – сказала мать, указывая пальцем на свое изделие и глядя сыну в глаза.

– Ко-о-нь, – тихо проговорил мальчик, немного протягивая буквы и чуть-чуть улыбаясь.

Мать снова повторила то же слово и опять показала на игрушку. Мальчик помотал головой в стороны и так же протяжно выговорил слово.

Мария обрадовалась. Значит, он уже понимал, что от него

хотят. И это усилило еще больше ее веру в то, что сын преуспевает гораздо быстрее, нежели другие младенцы.

На минуту она отвлеклась и занялась приготовлением пищи для себя и животного, а мальчик, продолжая рассматривать свою игрушку, лишь иногда посматривая на то, чем занимается его мать.

Мария понабросала плодов в уже потухший огонь и тщательно перемешала их в общем пепле. Затем прикрыла частью щита печной проем и снова подошла к сыну.

Ребенок посмотрел на нее и, болтая со стороны в сторону своей игрушкой, почти нарасспев сказал:

– Ко-о-нь.

– Да, конь, – подтвердила молодая мать и поднесла к его глазам другую фигурку.

– А это, верблюд, – указала она пальцем на горбатую фигурку животного.

Мальчик вначале не понял, что от него хотят, но в ответ улыбнулся, отложил предыдущую игрушку и взял в руки новую.

Внимательно рассмотрев, он снова обратил взгляд к матери, словно спрашивая еще раз о чем-то.

– Верблюд, – почти, как он, протянула мать.

– Ве-р-блюд, – сказал мальчик и улыбнулся, а затем повторил это слово еще несколько раз.

– Ну, хорошо, играйся, – ответила Мария и нежно погладила своего сына по щекам, – а я пойду, посмотрю, что там в печи.

Она отошла, а мальчик продолжил рассматривать свои игрушки. Мария достала свежеиспеченные плоды и разбросала их по полу, чтобы остыли. Затем подошла к сыну и села рядом.

Мальчик взял в руки обе игрушки сразу и, поднимая их поочередно, сказал:

– Конь, верблюд, – взглядом показывая на фигуры, соответствующие этим словам.

Мария довольно улыбнулась и погладила малыша по голове.

– Молодец, хорошо выучил. А теперь, давай я тебя буду учить другим словам.

И их учеба началась с обыкновенного «я» и «мы», а закончилась последним предметом в их жалкой хижине.

Мальчик без усталости медленно повторял слова и пытался запомнить те предметы, которые им соответствовали.

Мария решила проверить его знания и, указав рукой на дверь, спросила:

– Что это, сынок?

Тот внимательно посмотрел вперед и, качнув сам себе головой, сказал:

– Дверь, ма-ма.

– Какой же ты молодец у меня, – обрадовалась мать и прижала малыша к своей груди.

А через время она уже кормила его и сквозь дремоту говорила:

– Боги всему тебя научили и меня также. Но, наверное, это самое маленькое, что ты можешь в жизни. Пусть, нам помогут и люди в этом. Думаю, мы скоро покинем это место и присоединимся к остальным.

Так говоря, Мария и не знала, что ей предстоит выдержать еще столько, сколько не выдержал бы любой взрослый мужчина из их роду и племени.

Но то было тогда, когда она еще не совсем понимала кого родила на свет, и что можно ожидать от такого выражения ее чистоты в порыве общей любви к другому.

Мальчик рос, взрослел и потихоньку креп на ногах.

Он знал уже достаточно много слов и свободно говорил на их родном языке. Но очень часто мать замечала, что между знакомых ей с детства слов проскакивают такие, которых она не знала.

Сначала она думала, что это просто детская игра, но услышав один раз какое-то слово, произнесенное очень ясно и отчетливо выговорено, мать спросила:

– Сынок, а что это за слово, которое ты произнес?

– Не знаю, мама, – отвечал мальчик, – оно само по себе ко мне пришло и родилось вот тут, – и он своей маленькой ладошкой похлопал себя по голове.

– Странно, – про себя подумала Мария, – как это может быть? – но сыну сказала. – А ты не знаешь, что оно может обозначать?

– Нет, почему же, знаю, – отвечал мальчик, – оно похоже на наше «добро», только как-то по-другому, я еще не совсем его понял.

Мария покачала головой и снова про себя подумала: «Откуда у него такое рассуждение. Его ведь никто этому не учил. Странно и даже немного необычно все это».

Но то были только первые пробы умственного шага ее малыша, и спустя год после очередной зимы, он уже говорил совсем по-другому.

– Мама, помнишь, ты меня спрашивала о тех словах, которых не знаешь?

– Да, сынок, помню, – немного взволнованно отвечала мать.

– Я понял, откуда они берутся.

– И откуда же? – удивилась Мария его новому рассуждению.

– Вон оттуда, – и мальчик указал рукой на небо.

– Как это? – не поняла его мать.

– Я стою и слушаю, а они говорят, говорят, а слова во мне. Потом, я говорю, говорю, – немного непонятно отвечал ей малыш.

– Кто говорит, сынок? – не поняла опять мать.

– Не знаю, – засмутился мальчик, – они и все. Я не могу тебе больше сказать или объяснить по-другому, – и он, немного постояв, удалился.

«Странно, – снова обеспокоилась Мария, – как все это объяснить другим. Хотя, чего мне беспокоиться. Все равно ведь никого нет. Да и вряд ли будет, пока хорошо не станем на ноги».

Так они и жили в своих собственных познаниях окружающего и своих же рассуждениях. Прошло еще три зимы, и малышу исполнилось пять лет.

За это время он уже хорошо окреп и всю старался хоть чем-то помочь матери.

Коза по-прежнему жила с ними, и мать довольно часто молилась, чтобы она прожила еще дольше.

Сын, словно угадывая ее переживания и просьбы, говорил:

– Не переживай, мама. Я знаю, она проживет долго. Еще десять лет.

– Как десять? – удивлялась мать, – они ведь столько не живут?

– А эта проживет, – упорствовал мальчик и, поглаживая козу по ее шее, приговаривал, – я знаю, ты нас еще долго будешь кормить. Иди, поешь чего-нибудь. Я там тебе приготовил.

И коза, к удивлению Марии, его слушалась. Она шла к месту, где обычно ее кормили, и поела все, что там было. Затем довольно подавала свой голос, словно благодарила, и, подойдя к ним обоим, терлась о бока.

Мария не понимала этого. А точнее, она не могла объяснить, как можно разговаривать с животным. Сколько сама не пробовала – не получалось.

– Мама, не думай об этом, – предупреждал сын, снова и снова угадывая ход ее мыслей, – я сам пока не знаю, как это. Но знаю, что они, – и он показывал рукой на небо, – нам помогают.

– Кто они? – допытывалась Мария и обеспокоенно смотрела вверх, словно желая распознать кого-то в небесах.

– Их не видно, мама, – продолжал мальчик, – но они есть. Это все, что я могу тебе сказать.

– Ты что-то от меня скрываешь, сын? – совсем по-взрослому спрашивала мать.

– Нет, не скрываю, – отвечал он, – просто я сам пока ничего не видел, а потому, и не могу рассказать, как это и кто они.

– А что ты чувствуешь? – опять спрашивала Мария.

– Почти, ничего, – свободно делился с ней своими маленькими тайнами мальчик, – только иногда как будто я поднимаюсь вверх. Вернее, чувствую, что поднимаюсь, – поправился он.

Мать непонимающе смотрела на него, но потом, призывая к себе, брала его в свои объятия, и они подолгу сидели, вот так друг к другу прижавшись.

Казалось, и не было для них более другого счастья, чем вот так просто жить и радоваться хоть и небольшому, но все-таки успеху своей выживаемости в огромной пустоте их пространственного измерения.

Только один раз, как-то в ночи, Мария слышала грохот телег и шум передвигающихся людей.

«Наверное, еще какое-то племя покинуло свои места», – думала она, но даже не пыталась пойти посмотреть, кто это. Жизнь вдали от людей наложила на нее свой отпечаток.

Теперь, она их просто боялась, ибо они могли принести ей вред и искалечить ее маленького сына.

Ее вполне устраивало то, что они здесь жили одни. За это, довольно длительное пребывание в чужих краях, она научилась многому и даже приумножила свои богатства, подобрав дней через пять после услышанного ею шума еще шесть таких же динариев.

Для нее это уже было богатство.

Конечно, здесь оно не нужно, но в городе или в поселении всегда пригодится.

Не знала, правда, Мария, когда покинет эти места, но в душе всячески оттягивала это время до более спокойных времен. Хотя, как она могла бы узнать спокойно оно или нет, ведь никакой связи с другими у нее не было.

Мария научилась сажать и даже частью обрабатывать те плоды, которые первоначально хотела выбросить.

Теперь, у нее был свой участок, очищенный от камней и лишней травы, дающий возможность засеять горох, вырастить те плоды и даже посеять немного овса, зерна которого она насобираала на давно заброшенных участках.

Деревья давали ей свои плоды, а растущие кустарники в этом помогали.

Казалось, что сама Земля заботится о ней с сыном, и последнее время они вообще не бедствовали, а жили вполне нормально.

Мария даже немного прибавила в весе и чуть-чуть посвежела на лице. Молока им вполне хватало на двоих, а остального – тем более, если учесть, что козе теперь они заготавливали гораздо больше, чем в первый год их изгнания.

Мария никогда не говорила мальчику, почему они здесь, но, казалось, его этот вопрос вообще не интересовал.

Лишь однажды он как-то спросил:

– Мама, а что, людей больше нет на Земле?

– Почему же, сынок, есть, – отвечала она, – но мы просто от них далеко.

– И что, нельзя дойти? – удивился мальчик. – Земля такая большая?

– Не знаю, сынок. Наверное, большая. Сколько мы здесь живем, я еще никого не видела.

Но раньше, до того, как мы здесь оказались, нас было много, и прошли мы очень много. Шли день и ночь, и вот сколько, – и Мария показала на пальцах несколько раз количество месяцев пути, – один палец – один месяц, – продолжала объяснять она.

– Значит, вы шли девять месяцев? – уточнил мальчик, к этому времени обучившийся элементарному счету.

– Да, сынок, выходит девять, – с грустью отвечала она.

– А почему вы шли сюда? – спросил после небольшого молчания сын.

– Не знаю, – честно отвечала мать, – так говорил наш поводырь. Он говорил, что есть такая земля, где нет беды и где есть много соленой воды. Это море, – продолжала она объяснять.

– Море, – повторил и о чем-то подумал мальчик.

– А почему мы остались здесь?

– Я заболела и отстала ото всех, – немного приукрасила Мария давно прошедшие времена.

– А что, никто не мог помочь? – снова спросил сын.

– Понимаешь..., – немного замялась мать, – у всех свои больные: и дети, и взрослые, а я ведь одна, у меня не было никого. Вот и отстала ото всех.

Мальчик долго смотрел на мать, явно не понимая такого ответа, но ничего не оказал, видимо удовлетворив свое детское любопытство.

По времени они больше к этому вопросу не возвращались. Прошло еще несколько лет.

И снова, как прежде, они жили одни в этой огромной полупустынной местности. Мальчик подрастал, и понемногу его детский ум преподносил матери сюрпризы. Когда ему исполнилось семь лет, он сказал:

– Мама, я знаю, почему мы здесь.

– Почему же, сынок? – все так же ласково, окружая заботой и вниманием, отвечала Мария.

– Потому, что другие не влюбились тебя за то, что ты одна. Меня ведь не было, правда?

– Да, правда, сынок, – с горечью отвечала мать, прижимая сына к груди, – но ты не волнуйся. Подрастешь, мы вернемся к людям.

– Ты их боишься, мама, правда? – и сын смотрел ей прямо в глаза. – Они тебе сделали много плохого, и ты не хочешь их больше видеть? – продолжал спрашивать мальчик.

Мария смолчала, а слезы густо устлали ей глаза. Затем, немного успокоившись, она ответила:

– Не надо, сынок, об этом спрашивать. Время это прошлое и уже все забылось. Может, они сейчас уже другие. Жизнь учит всех, не только нас с тобой.

– Да, я знаю, мама, – отвечал совсем по-взрослому мальчик, – я не буду тебя больше об этом спрашивать. Прости меня, пожалуйста.

– За что, сынок, – сквозь слезы улыбнулась мать, – ты ведь просто хочешь знать правду. Это так?

– Да, мама, – утвердительно ответил мальчик и прижался к материнской груди, совсем как в детстве.

Потом Мария успокаивала уже сама себя, все же надеясь на то, что они действительно возвратятся к людям.

– Только к каким? – продолжала мыслить она вечерами. – Вряд ли ей удастся найти своих. Ведь прошло столько лет. Да и выжили ли они в этой общей беде? Скорее всего, они придут просто в какой-нибудь город или поселение и если их примут, то попробуют жить там.

– На всякий случай, далеко уходить от места не буду, – думала дальше женщина, – все-таки какой-никакой дом. Да и участок небольшой есть. Много ли нам с сыном надо.

– Но, что это? – встревожилась она про себя. – Что же я думаю только о себе. Сын ведь вырастет, и ему нужно будет обрести свою жизнь. Создать свою семью и действительно жить с людьми. Нельзя же вот так заколотить себя наглухо. Все-таки это тоже жизнь, но немного другая, более беспокойная, порой тревожная и не дающая того, что хотелось бы. Но, как не говори, а это тоже жизнь. И пусть, она чего-то там недодает – это не страшно. Важно, чтобы как-то изменялась вся наша жизнь. А вот так, в одиночестве, она вряд ли изменится. Что может один человек сделать, если вокруг такая грозная сила природы. Потому, он должен возрастать вместе с другими.

Вот здесь то и появилась мысль у Марии о том, что действительно нужно перебираться к другим и хотя бы отдать сына для получения каких знаний, а она сама будет помогать ему в этом своим трудом где-нибудь.

В этих горьких и злободневных рассуждениях прошло еще два с небольшим года.

Зима в этом году выдалась суровой и многие побегги погибли. Мальчику исполнилось десять лет, и Мария твердо решила покинуть это место.

Она хотела сказать об этом сыну, но тот, к удивлению, опять опередил:

– Я знаю, мама, что ты решила, – начал он, – но поверь, еще рано куда-то уходить. Это говорят они, – и он указал рукой вверх, – нас там никто не ждет, – мальчик показал в сторону дороги, идущей к югу, – я сам скажу тебе, когда будет нужно.

Мария ничего не ответила и молча, согласилась. В душе ей самой не хотелось этого именно сейчас.

Потому, услышав слова сына, она даже обрадовалась и, крепко его обняв, стояла долго и смотрела вслед утопающей среди деревьев дороге.

За последние пять лет сама местность немного преобразилась.

Деревья подросли, появилось больше кустарников.

Да и сами большие камни, среди которых они жили, обросли мхом и покрылись какой-то вьющейся растительностью.

Так что, теперь, с дороги вообще вряд ли кто смог бы распознать какое жилище, разве что по идущему вверх дыму от их печи.

С подрастанием сына Марии пришлось еще немного расширить пещеру и почти добраться до голых камней.

В связи с этим ей пришлось хорошо потрудиться, а заодно обучить своего сына кое-каким навыкам труда.

Они вместе вымазали глиной все стены, не забывая подложить пальмового листа внутрь и переложили печь, в которой за это время накопилось довольно много какой-то черной пыли, частички которой залезали в нос, рот, и они вместе постоянно чихали, пока все это не выветрилось наружу.

За это время в их домашнем обиходе появилась дополнительная посуда – большие чашки и маленькие, глиняные горшки и другое, помогающее сохранять пищу в теплом состоянии, а также прохладную воду для питья, которую брали в том же ручье, что и раньше, уходя вниз по его течению.

С годами он расширялся и понемногу становился небольшой речкой. Мать с сыном в одно лето разбросали устилавшие дно большие камни и немного углубили его.

Получилась небольшая по размеру пойма, в которую изредка заходила рыба, и мальчику удавалось ее ловить.

Вместе с этим их жизнь немного преобразилась, когда они обнаружили еще один съедобный плод.

Как он вырос в этой местности – непонятно. Никто его не сажал и не выращивал, как горох.

Попробовав на вкус, мать с сыном пришли к выводу, что его можно употреблять, как и все другое. Правда, этот плод долго не задерживался. Он быстро созревал, а затем лопался или просто опадал на землю, где и погибал.

Потому, они старались побыстрее сорвать и съесть. А зерна из тех, что уже опали, клали на солнце и сушили.

К этому времени в их местности появились птицы. Они небольшими стайками кружились над их обнаруженными плодами и даже создавали некоторую птичью перебранку за тот или иной переспелый плод.

Но, к удивлению, пока не было ни единого животного существа, кроме их козы, которая по ночам иногда поднимала голову и почему-то подавала голос.

Вовсю сновали только ящерицы, но и их было немного. Так что в общем разноголосье можно было даже сосчитать сколько их всего и в каких местах находятся.

Природа потихоньку оживала, и это немного увеселяло их души. Все-таки не одни в этой немоте окружающего. И, возможно, вскоре вовсе наступит какое изменение.

Время не заставило себя долго ждать.

И спустя два года, ровно в лето, в их местности появились первые животные.

То были какие-то громадные существа, издали напоминающие коров своими большими рогами, но что-то в них было не так. Они были более злобными и издавали какой-то общий рык.

Появились вместе с ними и хищники: очень худые и едва-едва стоящие на ногах. И если бы не обычная смерть поголовья, то вряд ли они вообще бы выжили.

Спустя два месяца хищники все же окрепли и стали представлять действительную угрозу этому виду животных.

Теперь, местность то и дело оглашалась какими-либо звуками, обозначающими дикую жизнь природы.

Мать даже с некоторой тревогой наблюдала за этим, опасаясь за своего двенадцатилетнего сына, к этому времени, уже чуть-чуть повзрослевшему и немного по-мужски окрепшему.

Но мальчик ее успокоил, сказав, что бояться нечего, так как они заняты сами собой и вряд ли обратят внимание на них. К осени это население приумножилось еще несколькими видами, а в зиму, когда мальчику исполнился очередной год, оно возросло еще больше,

Появились зайцы, какие-то перелетные птицы, шумевшие по ночам и мешающие иногда спать. Прибились и некоторые водоплавающие, подпускавшие к себе очень близко и даже иногда бравшие из рук зерна.

Мать многих зверей, птиц не знала, но научилась различать, и они условно называли их своими именами.

В этот год зима была особо теплой, и к весне деревья распустились раньше обычного.

Казалось, вместе с оживлением населения местности оживала и сама местность.

Деревья еще больше выросли, образовав густую сеть своих ветвей. Пальмовые стали гораздо выше, а трава поднялась почти до груди мальчика.

Так же, как и в прошлые годы, они вместе окопали свой огород небольшими копалками, сделанными из палок и найденных на дороге частей доспехов, которых со временем они обнаружили еще больше, чем было.

«Может, была какая битва здесь? – думала про себя Мария. – А может, раненые и больные просто бросали их по дороге, чтоб легче было идти?»

Но в любом случае, это оброняли люди, которых до сих пор в этой местности не было. Это даже иногда пугало женщину.

«Неужели, вовсе никого не осталось? – продолжала думать она. – А может, эта дорога забылась и теперь есть какая другая?! А шум, что она слышала? Это ведь были люди, и монеты ими оброненные».

И тут ей в голову пришла мысль. Она почти бегом бросилась с участка в пещеру и, достав все ранее найденные монеты, сравнила их между собой.

Оказалось, что все они разные, вернее семь одних, а шесть других.

«Значит, – решила Мария, – в государстве что-то изменилось. Наверное, у власти стал кто-то другой. Может, изменились и люди за это время? Может, стали добрее и изуверства исчезли? Ох, как хотелось бы в это верить».

Женщина, вздохнув, спрятала деньги обратно и пошла заниматься своими хозяйственными делами. Подошел сын и спросил:

– Мама, а почему я у тебя один? Нас ведь могло быть и больше?

– Да, сынок, но ты ведь видишь, что мы живем вдаль от людей, и никого с нами больше нет.

– Да, конечно, вижу, – согласился мальчик, – мы живем вдаль от всех, но скоро уже покинем этот край и надо подумать куда пойдём, – совсем по-взрослому добавил он, оставив прежний свой вопрос неразрешенным.

– А, что говорят они? – спросила вдруг мать, указывая глазами на небо.

– Они пока молчат, – ответил мальчик и сам посмотрел на небо, – но я видел вчера знак. Это, наверное, мне. Я видел себя в обрамленном желтом сиянии вон там, возле деревьев, – и он указал рукой на место.

– И, что теперь? – снова спросила мать, тревожно вглядываясь туда.

– Не знаю, – спокойно ответил сын, – наверное, скоро мы узнаем всё, – и с этими словами он побежал к тому самому месту, куда показывал рукой.

Мать посмотрела ему вслед, немного всплакнула, а затем принялась за работу. Но мысли об услышанном ее не покидали.

«Чтобы это могло значить, – думала она, изредка поглядывая в ту сторону, где сын, – может, боги хотят его уже забрать к себе? А я ведь даже не говорила с ним об этом. Наверное, пора рассказать все, как есть».

На этом мысли Марии прервались, ибо, посмотрев в сторону сына, она вдруг ясно увидела над его головой белую дымку, уходящую вверх по какому-то огромному длинному туннелю.

Мальчик стоял, растопырив руки немного в стороны и, казалось, вот-вот взлетит в небо.

«О, боги, – взмолилась Мария в душе, – не забирайте пока моего сына к себе. Он еще очень молод».

И снова, как когда-то, ей послышался чей-то голос.

– Слушай Мария меня хорошо. Назавтра вы покинете свой дом и пойдете к людям. Ваш путь займет много времени, потому приготовьтесь хорошо и запаситесь едой. По дороге пойдешь до конца этой местности, а там будет пустыня. Обойдешь ее вправо и придешь к морю. Там и поговоришь с сыном.

– А, как я объясню ему наш уход? – хотелось крикнуть ей голосу, идущему откуда-то сверху.

– Не надо объяснять. Он уже знает и сейчас идет к тебе. До скорого свидания, Мария. Не забудь, обойди вправо.

– Не забуду, – испуганно зашептала она и словно очнулась.

Сын медленно шел к ней навстречу, все еще держа руки в стороны.

Подойдя ближе, он улыбнулся и сказал:

– Я разговаривал с Богом, мама. Он велел нам идти. Пошли, будем собираться в дорогу.

И мать, оставив все, как есть, пошла вслед за сыном. Их приготовления не заставили долго трудиться. Спустя час они уже собрали в дорогу все необходимое и впервые за последние годы у них появилось время свободно поговорить.

– Скажи, мама, – обратился к ней сын, – почему ты мне раньше не рассказывала обо всем этом?

– Я боялась, сынок, – честно призналась женщина, – не хотела, чтобы ты ушел от меня таким маленьким.

– Но ведь боги знают, что делают, – не согласился с ней мальчик.

– Конечно, – ответила мать, – но я хотела тебя уберечь от всякого любого зла, причиненного другими. К тому же, боги запретили мне говорить о чем-либо.

– Да, я знаю, – согласился на сей раз мальчик, – но мы можем сами поговорить обо всем без их участия.

– Как это? – удивилась мать, внимательно глядя сыну в глаза.

– Мы ведь люди, – отвечал он, – а они нет. Они знают больше и, возможно, наперед. Но мы сами имеем право на жизнь и выбираем себе ее сами. Я понял, что боги хотели бы меня видеть во славе людской и потому согласился на это далекое путешествие.

– Почему ты так говоришь? Откуда ты знаешь, сколько нам придется идти? – всполошилась мать.

– Я знаю, мама, чего от меня они хотят, – не ответил на ее вопрос сын, – они хотят, чтобы я занял их место в общей людской жизни. Тогда они смогли бы немного отдохнуть от содеянного ими ранее. Это ведь они сотворили Землю, мама. И я это знаю и чувствую, вот тут, – и он показал рукой на сердце и голову.

– Но, как ты можешь сделать это? – удивилась мать. – Ты ведь не ходишь по небесам и не летаешь, как птицы?

– Это не главное, мама. Важно, чтобы люди возжелали себе нового бога из своих людских племен, который укрепил бы их общую веру в небеса.

– И откуда ты все это знаешь? – удивилась мать, глядя пылливо сыну в глаза.

– Я знаю потому это все, – отвечал мальчик, – потому что, видел себя во сне таким же, как и они. И я летал, мама, как они и даже ходил по небу. Но это еще не все. Я видел самого главного бога. Он был такой же, как и я. И одет почти так же. Только я не понял, что у него в

руках. Какая-то странная фигура в виде скрещенных палочек. Ну, вот такая, – и он нарисовал пальцем на полу фигуру, отображающую настоящий крест с двойным перекрестием.

– И что это обозначает? – спросила удивленная Мария.

– Пока не знаю, – ответил сын, – но думаю, это скоро придет мне в голову снова. Вот тогда и объясню, – и он стер с пола рисунок.

– А ты не боишься того, что говоришь так? – спросила мать. – Ведь боги нас слышат.

– Нет, мама, – возразил мальчик, – они слышат только тогда, когда хотят сами этого, и я это чувствую тут, – и он снова показал рукой на голову.

– Да, но как же они знают все о нас? Наверное, видят с небес, что мы делаем?

– Этого я не знаю, – прямо ответил сын, – может, и видят. Но зачем им все это? – теперь, задал вопрос и он сам, но так и не найдя на него ответа, сказал. – Нет. Я думаю, что они хотят видеть нас более лучшими, чем мы есть. Потому, и обращаются, когда это очень требуется.

– Не знаю, сынок, – ответила Мария, – может, все так и есть, как ты говоришь. Вот только, что скажут сами люди, узнав обо всем этом?

– Они скажут, что я и есть бог, – уверенно отвечал мальчик, – только до этого еще много. И снова Мария подивилась его проникательности, и снова ей немного всплакнулось.

– Почему ты плачешь, мама? – спросил сын, подходя ближе к ней и ложа голову на колени.

– Сама не знаю, сынок. Вот почему-то плачется и все, – и она погладила сына по голове.

– Знаешь, сынок, – продолжила она после небольшого молчания, – мне кажется, что я еще вернусь сюда в эти места.

– Почему? – удивился сын. – Разве ты не хотела бы жить с людьми? Они также плохие?

– Не знаю, какие сейчас, – отвечала Мария, – но тогда, когда я ушла от них, они были злыми и жестокими.

– А мы сделаем их добрее, мама, – заверил ее сын, – вот затем мы и идем к ним. Мы принесем людям добро и свет в их темные холодные дома.

– А откуда ты знаешь, какие у них дома? – удивилась мать.

– Я их вижу, мама, – уверенно отвечал мальчик, – они у меня перед глазами.

– Но сколько продлится наш путь? – спросила снова Мария. – И сколько же надо добра?

– Долго, – так же уверенно ответил сын и посмотрел ей в глаза, – а еще я знаю, что добро будет сотворено и нам опосля всего этого.

– Как это опосля? – не поняла мать.

– Не знаю, – пожал плечами мальчик, – но мне кажется, что я уже вижу это время и с завтра мы начнем вместе его приближать.

– Ох, сынок, – снова всплакнула мать, – так не хочется мне покидать наше место.

– Знаю, мама. Но так велят боги и именно им мы обязаны своей жизнью. Потому, последуем их сказанию и велению. Тяжел и далек наш путь, но не труднее, чем то, что уже пережили. Я чувствую все это и уже горю желанием идти вперед...

Так они разговаривали до самого позднего вечера, и уснули только тогда, когда на небе вошла хорошо луна.

Наутро же, проснувшись и умывшись в последний раз в пойме реки, они наспех позавтракали и собрались в путь.

Дверь в пещеру надежно закрыли и загородили большими камнями, оставив внутри все так, как было за время их жизни.

Вскоре после их ухода, они так же обрастут мхом и покроются удивительно выющейся растительностью, дающей свои горьковатые плоды, которые никак не годились в пищу.

Но это будет потом, спустя года, а пока мать и сын, молча, прощались с сохранившим им жизнь и давшим оплот жилищем, а также со всем тем, что его окружало.

Слезы ручьем устилали глаза Марии, а ноги отказывались повиноваться, но все же она пересилила себя и, развернувшись, сделала первые шаги навстречу идущей судьбе своего сына.

Мальчик также пошел следом, а вскоре и вовсе опередил мать, которая вела за собой их старую кормилицу – козу.

Животное, наверное, тоже чувствовало этот уход и жалобно подавало голос, озираясь по сторонам и порою не желая идти дальше.

Но сила верхнего повиновения все же заставила их идти, не смотря на всю боль обид и на неуверенность в завтрашнем дне.

Они шли по давно не топтаной дороге, и только пыль, поднимающаяся от их босых ног, говорила о том, что она до сих пор жива, и не совсем утратила свою способность к воспроизведению живости движения.

После, она медленно ложилась обратно, заполняя сделанные ногами людей и животного небольшие углубления, но все же не до конца.

Боль наполняла их сердца, а души немного тревожились. Но боги не переживали за них.

Они знали, что те, кто внизу, выдержат еще не одно испытание, которые только начинались, и которым не было истинного счета во всех последующих человеческих жизнях. Исповедь общего греха таила в себе несусветную загадочную силу, простирающуюся вглубь веков и вглубь человеческих усилий в опознании своего существования.

Человек только начинал свое первое восхождение, как действительно звучало бы это слово в его же устах. Вера спасала народы, но то была вера не в их бога, не в человеческого.

И наступило время показать им Его. Того, Кто не запятнал бы честь человеческую и, созревая любую силу вражды к себе людскую, уподобил бы ее просто добру.

Великая сила веры в богов, но она ничего бы не стояла, если бы не заслужила ее подтверждения на Земле в среде самих людей, а не небес.

«И будет восхваленной Его сила, и да изнеможет боль и голь, и пропадет всякая тварь с лица Земли, и нечисть сгинет подручная, и ниспадет на головы люду новая сила, облаченная в ряссы веков и утоляющая жажду повиновения и покорения силе всесветской и незлодышащей. Да, будет оно так».

Так говорила одна умная книга о жизни, и уже тогда начиналась писаться эта священная история.

«И святость ее из пророчеств языков состояла», – так скажут опосля. Но тогда этого не было и вовсе не думалось, что когда-либо так может случиться.

Время закрывало одну тайну и открывало другую.

Занавесь небес была чем-то сходной с занавеской человеческих душ, отемненной жадной расправы и неагонравия своих поступков.

Только настоящая былая сила, уподобающаяся новой, могла победить и убрать эту занавеску души любого. Вот тогда и пришло на помощь то, что и поныне называется верой.

И вера та распространялась, и слухом полнилась. И надо было действительно в этом участвовать, чтобы понять, как это происходило и почему.

Но посмотрим все же, как она творилась, исходя из того, что уже сами прошли.

Глава 3. Путь иноходца

«И прошел день, и прошел еще один, и далее последующий. Ставало солнце над главой истца, пока не покаянного и не искалеченного бременем людской злобы дня...» – так гласит история.

Проходили дни, и уходили вдаль ночи.

Мать с сыном шли и шли вперед, а куда они идут, пока сами не знали и не ведали.

Бог сказал им: «Идите», и они пошли.

Бог сказал: «Встречу вас там», и они ждали с надеждой этой встречи.

Но до того еще было далеко. Они не прошли еще достаточно много, как показалась желто-белая россыпь пустыни.

– Вот почему эта дорога забыта, – сказала мать, обращаясь к юному сыну, – она не ведет уже никуда. Наверное, боги преградили ей путь дальше этой пустынной местностью. Что ж, тогда пойдем направо, – и они свернули в ту сторону, оставляя сбоку жгучую сыпь этого края.

Они шли еще долго, и уже солнце клонилось к закату, когда вдруг мальчик сказал:

– Мама, я вижу свет впереди себя. Это знак нам. Значит, там наш ночлег.

Мать посмотрела вперед, но ничего не увидела и, полагаясь на сына, пошла за ним дальше, ведя за собой на короткой привязи козу, которая так же измучилась, как и они за все время пути.

«Бедное животное, – подумала Мария, – страдает не из-за чего. Ладно, мы идем по велению, а она зачем. Хотя, что она делала бы, если бы нас не было. Уже давно волки бы съели».

И, успокоившись, женщина прибавила немного шагу, так как солнце уже совсем садилось.

Через некоторое время они увидели небольшой свет, идущий к небу, а, подойдя ближе, услышали говор людской и почувствовали запах дыма.

Мария приблизилась к костру, оставив сына с козой позади себя в стороне. На нее мало кто обратил внимание. Люди сидели, молча, согревая себя вокруг довольно большого костра, разложенного из толстых сухих жердей.

Кое-кто поджаривал мясо, наверное, припасенное для пути.

Людей сидело немного. В основном, старики, женщины и дети.

Мужчин почти не было. Когда Мария подошла к костру и поздоровалась, ей, молча, уступили место, так и не ответив на ее приветствие.

– Что это? – подумала в беспокойстве женщина, – может, они глухие или слепые, или языка не знают ее. Тогда, кто они такие? – и она тревожно всматривалась в их лица. Наконец, кто-то заметил ее волнение и тихо произнес:

– Не бойся, женщина. Мы не заразные и не больные. Наш род уцелел, но много нашего люду погибло. Потому, мы еще их погребаем в сердцах.

– А-а, – кивнула понимающе Мария и тут же спросила, – а что, какая болезнь свирепствует снова?

– Да, – грустно подтвердила рядом сидящая женщина, – ветряная оспа осыпала многие тела. Люди мрут, как мухи. Говорят, даже царь от этого умер.

– А где вы жили и откуда идете? – снова спросила Мария, посмотрев назад в сторону стоявшего в темноте сына.

– Идем мы с севера, – указала рукой в темноту женщина, – но по дороге нас охватила эта беда и многие померли. Даже мужчин совсем не осталось. Вот только старики, да мы.

– А что, эта болезнь молодых берет? – испугалась за сына Мария.

– Не то, чтобы молодых, – грустно отвечала собеседница, – но вот постарше вон того юнца, – и она показала на кого-то по ту сторону костра.

Мария посмотрела сквозь высокое пламя и очень расплывчато увидела, на кого показывали. То был молодой мужчина лет двадцати, немного покореженный чем-то.

– Видишь, – добавила женщина, – его тоже задело, но он спасся чудом. Когда его взяли та охоту, он случайно наткнулся на палку и проколол ногу. Поэтому, вернулся. А все остальные приехали потом заболевшими. А через два дня начали умирать по очереди: то один, то другой. Даже наш шаман не мог ничего сделать.

– А что, у вас есть шаман? – удивилась Мария.

– Да, остался еще. Но он тоже умер, когда хотел их очистить от заразы, – тут же поправились женщина.

– Я не одна, – вдруг, сказала Мария, – можно сюда подойдет мой сын. Он еще молод для этой болезни.

– Пусть, – согласилась женщина, – я думаю, места хватит, – и она даже немного подвинулась, уступая еще кусочек земли.

Мария поднялась и ушла в темноту.

– Сынок, сынок, – позвала она тихо.

– Я здесь, мама, – отозвался он и почти вплотную подошел к ней.

– Пойдем к костру, погреемся. Холодно ведь еще по ночам. Да и заночуем там вместе со всеми. Не так страшно. Люди они хорошие. Вот только какая-то болезнь подкосила их мужчин.

– Я знаю, мама, – немного тревожно отозвался сын, – нам нельзя туда. Скоро болезнь перенесется и на их головы.

– Как? – удивилась Мария, – а мне женщина сказала, что они не болеют.

– Еще рано, мама, – уверенно произнес мальчик, – пойдем скорее отсюда, а то еще и мы заболеем.

– А как же знак? – удивилась Мария, обращая на сына свой взор.

– Знак и был на это, – успокоил ее сын, – только я не понял его сразу. А теперь, вот все стало ясно.

– Хорошо, пойдем, сынок, – согласилась мать, – но, что подумает та женщина о нас. Скажет, побрезговали их гостеприимством. Это ведь нехорошо, сынок.

– Знаю, – ответил кратко мальчик, – но нам все равно туда нельзя. А за нее не беспокойся. Она ничего не скажет. К утру, она умрет.

– Как? – испугалась мать, – я ведь с ней только разговаривала, и она говорила, что не больна.

– Да, это так кажется вначале. Эта болезнь очень страшна, мама. Она идет быстрее людей. И нам надо тоже побережиться от этого.

Мария с грустью посмотрела на пламя костра, так и манящего к себе, к своему теплу, но повернулась и зашагала вместе с сыном вглубь ночи, подальше от их лагеря.

Они заночевали совсем недалеко, укрывшись от глаз в неглубоком овраге среди кустов.

Насобирали сухой травы и подстелили, а сверху накрыли плетеным покрывалом из козьей шерсти, которое перед дорогой мать больше уплотнила и дополнила еще прядью.

Само животное легло рядом, как и во все прошлые разы, согревая их своим теплом.

Проснулись они с восходом солнца и, скоро перекусив, отправились дальше в путь.

Проходя мимо вчерашнего костра, они увидели несколько свежих нарытых холмиков земли.

– Видишь, мама, – указал на них сын, – эти люди умерли за ночь. Это страшная болезнь. Потому, все остальные быстро ушли, захоронив их тела. Но это не спасет их. Они все умрут до последнего.

– Откуда ты знаешь, сынок? – спросила испуганно Мария, обходя вместе с ним немного стороной те холмы.

– Я чувствую это, – объяснил мальчик и добавил, – но ты не бойся. С тобой этого не произойдет. Ты ведь ни до чего не дотрагивалась?

– Нет, – немного испуганно проговорила мать.

– Вот и хорошо, – уверенно произнес сын, и они, молча, зашагали дальше.

Это была первая встреча их с людьми, не предвещающая ничего хорошего как для них, так и для других, ибо те другие впоследствии не уподобят себя их пути, а сочтут все по иному.

Мать не расспрашивала больше сына о его внутренних познаниях, но со временем ее тревога возрастала, ибо она отчетливо понимала, что боги не случайно позвали их в путь в это тяжелое для людей время. Хотя, когда оно было для них хорошим?!

Сознание этого не давало ей спокойствия. Мария не могла до конца понять, что именно требуется от нее самой и уже потом от ее сына.

Но все же, положились на тех же богов, ибо, что бы они не сделали – это в их же власти.

Странники продолжили свой путь и вскоре остановились на новый ночлег, пройдя за день достаточно много. На этот раз они нашли более подходящее место в старом заброшенном поселении какого-то племени.

– Странно, – проговорила мать, когда они вошли в один из полуразрушенных домов, – почему здесь никто не живет? Земля неплохая, да и жить есть где. Вот только надо поправить немного.

– Здесь тоже побывала болезнь, – отозвался мальчик и показал на какие-то фигурки, валяющиеся на полу, – это же игрушки. И их бросили дети. Значит, люди бежали впопыхах, чтобы самим не заболеть. А, кроме того, посмотри, все разрушено и выжжено. Наверное, они хотели спастись огнем.

– А, что с ними стало? – поддавшись его рассуждению, спросила Мария.

– Не знаю, мама. Может, кто и жив остался. Сейчас до них далеко очень, – спокойно отвечал мальчик, – нам надо уйти отсюда. А то, возможно, болезнь поразит и нас.

– Но мы ведь не трогаем ничего? – удивилась мать.

– Да, но болезнь может и так взяться, по воздуху, – ответил сын, – поэтому, пошли лучше заночуем в поле или каком овраге, где посуше.

– Что ж, пошли, – неохотно согласилась Мария.

После того, как они покинули свой дом, ей так тяжело было привыкать ко всему этому снова.

Опять пытаться впроголодь, думать, как уберечься от всякой напасти, а теперь, вот еще и эта страшная болезнь.

– Не думай об этом, мама, – неожиданно сказал мальчик, – совсем скоро мы пристанем к одному месту, где проведем большую часть времени нашего пути, а потом двинемся дальше.

Мария не стала спрашивать, откуда он это знает и, молча, кивнула головой. Ей начинало становиться немного понятным это решение богов.

Наверное, они хотели, чтобы он окреп в пути и осмыслил для себя кое-что очень важное.

«Что ж, – согласилась внутри Мария, – надо повиноваться и этому. Нам теперь без них, как без самих себя».

И после этого внутри принятого ею решения, она как-то успокоилась и уже более проще смотрела на их страдания.

Сам мальчик, казалось, не замечал этого и упорно шагал вперед. Его не путало наступление темноты, ибо уже тогда впереди он всегда ясно видел свет, который и вел его к своей же победе.

Они обустроились на ночь, как и в прошлый раз, и обоюдно пожелали друг другу хорошей ночи. Откуда взялось это выражение они сами не знали, но оно им понравилось и спустя время это укоренилось и вошло в привычку.

С первым лучом солнца иноходцы проснулись и опять двинулись в путь. Спустя еще две недели странствий, дорога, наконец, привела их к небольшому селению.

Остановившись на минуту перед раскинувшимися в стороны домами, мальчик уверенно сказал:

– Вот здесь мы и пробудем до моего взросления. Пустыня скоро закончится и уже дальше полон мир людей. Но тут я получу нужные мне знания о них, и тут я возложу свое первое упоминание о божьей силе, исходящей из рук смертного.

Так сказав, мальчик поднял руки вверх и медленно опустил их вниз, немного растопырив в стороны.

И снова, как и в прошлый раз, мать увидела очень ясно белый восходящий столп к небу, а вокруг своего сына такую же белую пелену.

Она даже на мгновение испугалась.

«Уж, не заберут ли боги его именно сейчас?»

Но, нет. Спустя какие-то секунды, это все исчезло, и мальчик остался стоять на месте.

«Что это было? «– хотелось спросить Марии, но она сдержала себя, так как уже начинала понимать, что ее сын обладает какой-то тайной силой проникновения, и что эта сила очень велика, если от нее образуется что-то подобное.

Вместо этого она подошла к мальчику, обняла его, поцеловала в лоб и сказала:

– Хорошо, сынок, что ты это знаешь. Верь себе и будет гораздо легче. Верь и людям и станет легче вдвойне.

– Я знаю, мама, – ответил сын, прижимаясь к ней сильнее, – и я буду стараться в этом, ибо оно и есть моя жизнь.

Они постояли с минуту, обнявшись, а затем снова пошагали дальше вглубь этих домов, поближе к тем, кто здесь проживал.

Побродив по селению довольно много, они не обнаружили никого, за исключением двух одиноких старцев, которые сидели в одном из домов и пили какую-то жидкость из чаш.

– Здравствуйтесь, – поприветствовала их Мария и попыталась войти внутрь жилища.

Но один из старцев остановил ее резким голосом:

– Стой там и не заходи.

– Почему? – удивилась мать.

– Пусть, войдет сюда первым тот, кто с тобой пришел, – распорядился один из них, видимо старший.

– А зачем? – снова удивилась женщина, – я ведь только хотела спросить у вас.

– Спрашивать будет он, – и старший указал рукой за ее спину, где стоял сын.

Мария, молча, отступила назад, и на пороге вошел мальчик.

– Кто вы? – довольно строго спросил он для такого молодого возраста.

– Учителя твои, – ответил более преклонный старец, обращая к нему свой взор.

– Я знаю о вас, но никогда не видел, – отвечал мальчик, – докажите, что вы те, к кому я послан.

Старики немного замаялись, но затем один из них сказал:

– Видишь ли, мальчик. Мы здесь не для того, чтобы что-то доказывать и показывать. Мы здесь для того, чтобы тебя обучить ремеслу всякому, а также мудрости жизни.

– Верю вам, – спокойно и в тон старику ответил тот, – но не верю своим глазам, – добавил он тут же.

Старики опять замаялись, а затем старший ответил:

– Глаза могут обманывать. Думай, как мы, и все узнаешь.

– Хорошо, я верю вам, – согласился мальчик, – но скажите мне еще одно: кто из вас старше и главнее?

В ответ он услышал из уст того же старика.

– Если главное – первое, то первое – тогда не главное. Что скажешь сам по этому? – и он вопросительно посмотрел ему прямо в глаза.

– Я думаю, бесспорно, – отвечал мальчик, – что первое – не всегда главное, но главное используют, как первое для обучения естества.

– Вот видишь, – сказал старик, – мы подходим друг другу. Какие еще нужны доказательства.

– Больше не надо, – ответил ученик, – только я хотел бы знать, кто вас сюда направил?

– Мы посланы сверху, – ответил второй, пока еще не участвовавший в разговоре, – а кем, это не важно. Ты ведь сам знаешь это, правда? – старик сурово посмотрел ему в глаза.

– Да, – опустил голову мальчик и преклонил одно колено перед старцем.

– Этого не надо, – предупредил все тот же, – мы будем вести наши беседы на равных. Но не сегодня, а завтра. А сейчас, пока располагайтесь поблизости. И не бойтесь занять чье-то место. Здесь никого, кроме нас нет. Все покинули это селение, боясь умереть от болезни.

«А вы же как?» – так и хотелось спросить Марии, стоящей позади сына, но то ли боязнь чего-то, то ли просто стеснение не дали этого сделать.

Вместо ответа она услышала вскоре другое.

– Тебе, Мария, – обратился тот же старик, – поручаем общее дело по ведению хозяйства и обустройству жилья. Сын твой будет жить с нами. Так что теперь будешь жить одна. Привыкай к этому. Он уже взрослый и через время станет совсем не таким, как сейчас.

– А, как же...? – хотела задать вопрос женщина, но старик, подняв руку вверх, предупредил.

– С этого времени мы будем говорить, а ты занимайся своим делом. Что будет нужно, найдешь здесь же. И не бойся, оно не заразно. Твое дело собрать все и разместить по местам. Нам много не надо. Едим мы мало, потому добудем себе пищу сами. Ты же позаботься о сыне. Сила ему нужна больше, чем всем. Тебе все ясно?

– Да, – и женщина кивнула головой.

– Вот и хорошо, а теперь, иди и располагайся. И еще одно. Не забудь – это не твой сын. Он – агнец божий. Потому, не упорствуй, а покорись и подчинись.

Мария снова кивнула головой и, едва сдерживая свои слезы, вышла наружу.

Там, возле небольшого дерева она упала на землю и зарыдала. Ее можно было понять.

Мать лишали сына, но не совсем, а лишь отдаляли от нее. Но и это было тяжело перенести.

В душе Мария сетовала на свою судьбу, но все же понимала, что этого не миновать, даже если бы она была просто матерью в обычной жизни.

И, порывав немного, она успокоилась. Женщина поняла, что весь остаток времени ее жизни она проведет возле своего сына, но уже не рядом, как это было до этого.

На этом детство маленького мальчика заканчивалось, и начиналась пора взросления, а затем и возмужания.

И мать это поняла. Она поднялась, вытерла ухе немного обсохшие глаза и сказала:

– Я посвящу свою жизнь тебе, агнец божий, ибо моя жизнь только в тебе самом.

Мария огляделась по сторонам и пошла в первую близлежащую хижину.

Там она нашла все необходимое для хозяйства и занялась наведением порядка. Вынесла мусор, вымела полы, собрала ветхую пыль со стен и небольших окон, а затем разобралась во всем хозяйстве.

Приготовила себе постель, а также подготовила сыну такую же и отнесла в другую хижину, где расположились старцы. Завидев ее, они прервали разговор и, молча, созерцали на труды и приготовления.

– Хорошо, – сказал один из них, – мы тебя позовем, а сейчас иди и готовь сыну купель. Сначала его надо обмыть, как следует.

– А где я..? – хотела снова спросить Мария.

– Найдешь все там же, иди, – махнул рукой старик, и женщина удалилась.

Она походила вокруг домов и вскоре нашла то, о чем они говорили.

Это действительно была водяная купель. В глубине был колодец, из которого доставали воду, а из камней, подходящих к самой печи, был сложен небольшой чан, куда можно было влезать и мыться.

Нужно было только подогреть воду и растопить печь, чтобы стало немного теплее, чем Мария и занялась.

Мальчик же, окруженный с обеих сторон стариками, сидел прямо на полу и спокойно слушал их разговоры.

– Ты млад и юн, – говорил один из старцев, которого звали Иосиф, – но ты достойный сын своего народа. Ты превзойдешь всю его боль, окунешь себя в нее и доподлинно поймешь, что ему надо, дабы жить лучше и достойнее.

Тут уже второй, имя которого было Салеф, говорил другое:

– Ты жалок и низок, как и твой народ. Ты не можешь стать в его главе и уподобить себя богу или кем-то еще выше. Что думаешь по всему этому?

Мальчик немного задумался, а потом сказал:

– Думаю, вы правы оба. Только вам, – обратился он к Салефу, – недостает еще чего-то, пока не знаю.

– Хорошо, – покивали головами старики, и Иосиф обратился снова.

– Что ты скажешь, если народ попросит тебя быть их богом. Как поступишь и не осквернишь ли их веру этим?

И следом последовал второй вопрос от Салефа.

– А что ты скажешь, если сила геенна падет тебе на руки, и ты обложишь ею весь свет людской. Не уподобишься ли господу своему в своем лице или сможешь противостоять сему заверению? Отвечай.

– Я не могу так быстро, – покачал головой мальчик, – мне надо время подумать.

– Хорошо, думай, – согласились старики и, скрестив на груди руки, начали ждать.

Мальчик поразмыслил и спустя минут десять ответил:

– Скажу вам, Салеф. Вопрос не в том, чтобы сила геенна оказалась в руках. Важно ею правильно употреблять. А, теперь, отвечу вам, Иосиф. Сила божья не в завете людском, а в понимании жизни нашей. Это и есть удел бога.

– Хорошо, – похвалили оба старика.

– А теперь, ответь вот на что, – обратился к нему Салеф, – как ты считаешь: кто должен подобать богу, явившемуся на небесах – люд смиренный и простой или люд, облаченный волей правления?

– Отвечу, – сказал быстро мальчик, – уподобать и верить богу должны все, а не будет этого – не спасет землю нашу боле ничего.

– Хорошо, – ответил. Иосиф, – а как распознать люд такой и такой, если он не влачит одежды оного смысла? Что скажешь?

– Скажу просто. Честен – тот и будет прост, богат же этим не будет, – поспешил сделать вывод ученик.

– Э, нет, – ответил старик, – торопишься отвечать, подумай.

– Тогда так, – не заставил себя долго ждать мальчик, – прост будет всеоружен особью малой стати, а богат -непреклонно возрастет.

– Опять спешишь, – ответил старик, – думай. Мальчик снова погрузился в размышления.

– Богат тот – кто не злославен, а прост – тот пуше прежнего взойдет в своей умысле статной.

– Ну, что ж, – похвалил его Салеф, – это уже ближе, но еще не достоверно. Думай еще, а мы побудем сами с собой, – и они отпустили мальчика наружу.

Спустя время тот возвратился и прямо с порога бросил ответ:

– Прост снизойдет до худшего в славе своей побогаче, а оный ниспадет еще больше, если узреет смысл дела какого.

– Хорошо, но не досконально, – снова отправили его старики думать.

Мальчик долго бродил меж простых хижин и упорно вдумывался в заданный вопрос. Но ничего больше сказать не мог и, зайдя внутрь, он ответил:

– Думаю, что прост и богат не отличим, есть только нутро его, и оно о себе скажет в деле каком.

– Вот теперь, садись, отдыхай, – похвалили его старики и усадили между собой на пол.

Так началась эта каждодневная учеба, переходящая из вопросов к ответу и от ответа к новому вопросу.

Много дней и ночей потребовалось для этого первостепенного образования юного наследника, явившихся в мир людской боговержцев.

Но в тот день было еще одно событие, о котором нельзя не упомянуть.

В тот день мальчик был наречен именем, опосля которое дало ему славу быть изнуренным и убиенным. И в имя его входила святость науки и окуналась высшая степень познаний тех, кто прежде узрел эту Землю и окропил ее своей святостью.

Купель была приготовлена, и старики с мальчиком прошли внутрь, где все разделись и сполна вымылись.

Затем старец усадил меньшего на небольшую возвышенность и окрестил его именем, сказавшимся Иисус. После чего мальчик был окутан в одежды и снова обронен в воду купели, но не в подогретую, а в холодную и чистую. После этого, его вновь раздели и окрестили вторично, а затем и в третий раз.

Иосиф промолвил после этого:

– Я нарекаю тебя именем Иисуса Христа и даю тебе силу божью, уподобанную всеми во веки веков и доверяю тебе вскрыть свою тайну народу своему. Не позабудь, не посрами, не богохульствуй, не наследи, не искорежь, не ублажь и не заколи рядом идущего.

Это опознание веры твоей, сверху идущей и вниз распространяющейся. Вместе со всем даю тебе ключ от неба высокого.

Смотри на него и помни всегда. Ты агнец божий, ибо им порожден, а матью вскормлен.

Памятуй об этом и ни о чем не проси отца своего, ибо он там, на небе, а ты на земле. Твой рост, твоя сила в твоём усмирении. Облачись в рясы свои и успокой души других иноверцев.

Я же вместе с этим отступаю и даю место Салефу – учителю твоему и основному провидцу.

Иосиф отступил в сторону, а его место занял Салеф, который сказал:

– Сын наш, Иисус. Возвожу тебя в ранг божий и облачаю рясы твои на тебя же, – с этими словами он одел на него одежду, – слушайся и подчиняйся, учись и надейся. Знай, что не превзойден тот, кто не умен в действе каком, а умен в другом – в способе его оглашения. И поверь себе, и поверь людям, и не дай соприкоснуться лжи твоих агнецких устов. Это люд может к этому прибечь, но боги не могут. Их удел творить добро, не искаженное телом и упряжи злого отчаяния. Нарекаю тебя именем твоего отца и даю тебе славу всевышнюю, что сотворит мир на Земле и образует для оных сущий ад. Успокой душу свою, усопшую в лете и окрести вокруг имя свое, повядшее в горести, лжи и упреке. Живи и не падай. Умолкай, но кричи. Польшай, но не всгори. Даю тебе степень божью и упрощаю тревожность души твоей смертью окаянной подступи влажного лета. Слушай и запоминай. Ты умрешь в лето тридцать третьего года сызнова. И будет горе твое жестоко и будешь оскорблен пламенем солнца. И люд будет рад твоей злостной управе. Отдай ему все эти грехи и оставь на земле учеников, дабы взошло

семя нового роста и не уповай на милость господню отца своего. Будет больно – терпи. Будет жалко – не плачь. Станет жутко – взмолись, но не падай на колени грядуще. Имя сердца твоего – не ублажь. Имя души твоей – доброта. Имя тела твоего – Иисус. Грядуще – да, ниспошлет волю свою. Падет на землю звезда и укажет всем путь к новому окроплению душ, освященных тобою. Да, хранится имя твое в устах благих, и да, ниспошлетя воля сия в сокровение ночи. Аминь, аминь, аминь.

После речи Салеф окропил еще раз мальчика, а затем все они вместе, взявшись за руки, вышли наружу.

Стояла ночь, и темнота окружала их белые верхние одеяния. Подлетела птица и села мальчику на плечо.

Это была голубка, прилетевшая на свет от их самих и узревшая в них солнечное тепло и сияние.

Они встали к луне и подняли вверх руки.

Прозвучали слова, касающиеся только них.

После чего они вернулись обратно, забрав с собой и птицу.

Войдя же внутрь, Иосиф сказал:

– Теперь, ты бог и ты на земле своей. Твори чудеса и твори добро людям, но сначала возложи дань этой птице. Она – это добро, улетевшее куда-то и уцелевшее от зла. Сотвори так, чтобы птица эта разошлась по всему свету и унаследовала себе подобных.

– Сотворю так, – ответил мальчик, прижимая к себе голубку.

– Сделай так, чтобы люди не измывались над нею и над самими собой.

– Сделаю, – твердо отвечал мальчик.

– Упрости себя до благого и пройди землю всю от берега до берега и не бойсь утратить себя, ради блага верного. Искренен тот – кто исповедален перед тобою. Но побойсь хулы лживой из уст всякого, уподобящегося самому себе. Береги себя ради дела великого и отдай себя ради блага всех.

– Сделаю это, – ответил Иисус.

– И сотвори душу свою в виде благого образа привселюдно и всеутопающе. Дай людям веру в воскресение и уподобь их себе же.

– Сотворю, – отозвался мальчик.

На этом весь обряд посвящения был окончен, и они, выйдя из купели, пошли в дом, где достали свечи и произнесли первую молитву.

– Отче наш, иже еси на небеси...

Закончив ее и помолившись по обряду, указанному старцами, они легли спать.

А на утро все случилось, как и всегда, только день этот начинался с необычно ранней молитвы и произношения благоверных слов.

Так началась учеба Христа, нареченного Иисусом, длившаяся более трех с половиной лет.

Чего только не приходилось терпеть юному человеку от своих наставников.

Бросали его среди гулкой ночи где-нибудь в стороне от дома и заставляли искать их. Обучали, как нужно общаться с природой. Как суметь поговорить с любимым животным и заставить его отойти, если надо.

Учили вере в себя, заставляя сидеть долго под водой и мерзнуть в холодной пустыне от холода.

Учили смотреть на звезды и понимать их. Учили искать путь темной ночью или ярким днем с завязанными глазами и связанными позади руками.

Учили его письму и стихотворному делу. Заставляли лепить горшки и обжигать их, мести пол и печь себе лепешки, сооружать дома и расторгать их по необходимости.

Но пуше всего изучал он одну науку – науку любить, понимать и творить. И уже тогда молодой Иисус понял, что творить чудеса – не просто поднимать руки кверху, прося у своего отца помощи.

Это больше, чем даже самосотворенное.

Он видел, как падали от его рук, словно замороженные звери и птицы. Он наблюдал, как от его взгляда уходили подальше все, кто хотел бы им прокормиться.

Он замечал, как тряслись руки от холода и голода, и как они не хотели долго работать после длительного пребывания в связанном положении. И Иисусу уже не казались эти чудеса чудесами.

Он становился взрослее, мудрее и начинал понимать, что чудо – это постоянная работа над собой и огромная воля в ее достижении.

Наверное, только здравость ума позволяла ему пережить эти испытания, обустроенные его учителями, и глубокая вера в свою осознанную деятельность на земле в стране своих предков, уходящих корнями далеко в ее глубину.

Но, вместе с тем, он понимал и другое: на столько развита его сила воли – на столько же будет велико и его сотворенное чудо.

Лишь иногда ему казалось, что он не выдержит всех испытаний, которые еще не начинались для него, но, поборов в себе внутреннюю силу сопротивления, все же стоял до конца и усердно молился за силу божественного покровительства.

Нет. Он не просил помощи у своего отца и не старался добиться своим усердием этого.

Иисус хотел истинно познать азы первого получаемого в жизни урока. И хотя учеба была только подготовкой к этому, ее по праву можно назвать первой восходящей славой будущего божественного начала.

Иисус не жаловался никому, даже своей матери, с которой он виделся довольно редко, хотя жили рядом.

Но закон учителей был строг. Никакого общения с другими подобными. Никаких попыток получить какую-нибудь утешающую его душу слезу.

Мать это тоже понимала и терпела, сколько имела сил на это.

Лишь только молчанием, скрывающимся в блеске глаз обоих, они и общались между собой. Но и этого было достаточно, чтобы понять друг друга и поговорить мысленно, невзирая на тот же запрет.

Но учителя разгадали эту цепочку общения, и очень скоро они вообще перестали видеться. Матери позволялось входить, когда ее сына там не было. Это было настоящее мучение для нее, ибо она теперь не только не могла его лицезреть, но даже мысленно хоть как-то связаться.

И все же спустя время, им удалось обнаружить самих себя в одиноких полупустых домах. Они научились говорить, даже не видя друг друга.

Это и была та связь, которую хотели создать учителя путем мучительно долгого времени разлуки.

После этого, муки прекратились, и они стали видеться как обычно, если даже не чаще, так как программа обучения подходила к концу.

И вот настал этот долгожданный день, когда на свет произросла истинно христианская душа, потом воспевшая славу пророка и обители доброты.

В этот день все было будто по-другому.

Не так пели птицы, упрятавшись где-то в саду, не так шуршали ящерицы, пробегая между полуразрушенных домов, и не так, как всегда, говорили иноходцы, взирая на своих учителей.

Салеф сказал:

– Подойди, сын божий и обними мать свою, ибо она, воистину, заслужила это за все время твоего существования. И поверь душою, что вы отныне единая кровь и единая сила, испепеляющая вражду и боль.

И когда Иисус обнял мать, он добавил:

– Да, осуществится воля божья и опустится на землю сила луча его и осветит наши лица в потьме ночной.

И хотя это было днем, вдруг неожиданно солнце куда-то исчезло, а отделившийся из неба луч указал прямо на них.

– Видишь, агнец, – обратился тот, что старше, – это те чудеса, не испытанные вами, о которых мы говорили. Их не надо бояться, но надо знать, что они могут принести людям что богатому, что простому. Видишь, – указал он на небо, – боги видят и слышат нас. Слышит и отец твой. Но ты к нему не обращайся, пока сам он не скажет об этом. Понял ли ты меня?

– Да, – тихо сказал Иисус, держа за руку свою мать.

– Вот и хорошо. А теперь, поди сюда ко мне. Я буду восклицать тебя в веру. Знаешь это? – спросил он, показывая то, что когда-то юноша видел во сне.

– Да, знаю, – утвердительно кивнул и сказал Христос.

– А это знаешь? – и старик перекрестил фигурой другого старика.

– Да, знаю, – так же отвечал Иисус, – то крест – знамение божие, не осквернение души твоей.

– Хорошо, – сказал Салеф, – теперь, возьми ты и окрести им сам себя.

Юноша взял в руки небольшой крест, сделанный из обычного дерева, и проделал то же, что и старик, только на себе.

– А теперь, возведи сам себя в веру, – сказал Салеф и отступил в сторону от него.

Христос пал на колени и, подняв руки к небу, произнес:

– Отче наш, великий и ниспосланный другим отцом, всяя сердцем клянусь, что по праву сотворю чудо великое здесь на земле и во славу твою спою псалмы.

Произнеся эти слова, Иисус встал и, обернувшись к Салефу, сказал:

– Спасибо тебе, мой учитель, и тебе, Иосиф, за науку вашу и благодать. Восполню дочь свою и укажу десницей божью на кого нам молиться и к кому обращаться по вере и славе нашей. Спасибо и тебе, мама, – обратился он к Марии, – за заботу твою и благоденствие.

– А теперь, сын божий, агнец небесный, – продолжил их разговор Иосиф, – иди в хлев и приведи сюда козу, то благое животное, спасшее вам жизнь в одинокой нужде.

Иисус сходил за козой и стал перед ним, держа животное за шею.

– Брось ее и освободи мысленно, – сказал старец, поднимая глаза к небу.

Христос так и сделал. Животное стояло рядом и не отступало.

– Сделай это еще раз, – сказал Иосиф, обращаясь к нему же.

И снова юноша сделал то, что просили. Так повторилось еще раз. Коза, даже будучи освобожденной, никуда не уходила, а стояла рядом, плотно прижавшись к его ногам.

– Видишь, – указал на нее Иосиф, – так, как животное, может быть привязан к тому же и человек, если он хочет того же, что и рядом идущий, в беде либо нужде состоящий. Вера поможет вам в этом. Но не доверяй ее никому и не искалечь в сердце своем, какая бы беда не достала. Исполни заповедь свою осьмую. Помнишь ее?

– Да.

– Тогда, прочти вслух.

И Иисус приступил к ее чтению. Природа слышала это, мать и окружавшие его два старика. Больше никому этого не было позволено.

Прочтя же, Христос сказал:

– Я верен себе и верен людям. Никакая беда не заставит свернуть с моего пути, назначенном отцом моим во славу мя исходящую. Я буду верен и вам, учителя мои, – поклонился Иисус Салефу и Иосифу, – а также, в вечной благодати тебе, мама, – и юноша поклонился матери.

– Ступай, сын божий, в мир людской, – произнес Салеф, – и помни: земля встанет дыбом под ногами того, кто попробует веру осквернить подле агнеца божьего, или кто посмеет задеть имя божие во всеуслышание, или так в потьме своей внутренней. Прощай, Мария и сохраняя свою блажь и далее. Твоя дорога проста, но и тяжела как людская ноша. Покорись душою и подчинись его воле. Будет тьма или ночь – не пугайся. Он всегда рядом с тобою. Мы же уходим в небо, ибо наша земля токмо там, а не здесь. Прощайте, благие, и ждите сигнала свыше, а опосля исповедайте печаль свою как вздумаете сами, не оскорбляя род людской и не затрагивая нас самих.

Старцы отступили в сторону и, повернувшись, пошли вглубь селения.

Вскоре послышался шум, и перед их глазами возникла буря поднимающейся вверх пыли.

Мать прижалась к сыну, а сын к ней, и они, молча, смотрели в эту тьму, словно завороченные ее силой соприкосновения.

Через время все стихло, а пыль улеглась.

Все было на месте, разве что где-то вдалеке были сломаны еще несколько домов от той силы, разрушающей все окружающее и уходящей невидимо в небо.

– Вот и снова одни, – обозвалась мать после этого.

– Да, мама, – ответил юноша, – но нам теперь будет гораздо легче, мы обрели новую веру и понесем ее в люди.

– А примут ли они нас? – обеспокоилась Мария, тревожно глядя в лицо сына.

– Примут, мама, – уверенно ответил он, – только до этого надо пройти столько же, сколько уж пройдено.

– Когда идем? – спросила мать, удивляясь сама своей возросшей в мгновение уверенности в том же.

– Наш путь далек, мама, и труден. Сегодня отдохнем, а с утра, набравшись сил и терпения, пойдем далее. А сейчас, немного подготовимся к этому. И еще надо обратить тебя в веру нашу, раз уж мне дано это нести в люди.

– Да, сынок, – утвердительно кивнула мать и отступила на шаг назад.

– Надо обмыть пыль, мама, – сказал юноша, и они вместе двинулись к их жилищу.

В большой чан набрали воды и ополоснули лица, а затем ноги, после чего стали на чистую холщовую ткань, где Иисус впервые и произвел обряд крещения.

Мать, слушая его молитву, повторяла то, что он сказал, а затем произнесла это все еще несколько раз после, дабы оно уложилось в голове.

Проделав несколько раз всю процедуру крещения, Иисус отступил немного в сторону и произнес:

– Вот и есть на свете первостепенна раба божья, Мария. Не дай ей, Отче, порока и уподобь себе опосля смерти ее, ибо она моя мать и согласилась стать ею ради дела общего и святого. О том только молю я, чтоб не побил ее град земной, не унесла буря и не раздавила гора под собой. Прошу и молю тебя, Отче.

Это была первая и предпоследняя просьба Иисуса к своему отцу, ибо его сердце сжималось от жалости в мысли о том, что с матерью может что-то произойти.

Подумав немного, Иисус добавил:

– И еще прошу тебя, Отче. Покинь наш сад земной и дай проронить мое слово среди люда прочего, и пусть, он возрадуется этому и не опорочит волю твою же. Спасибо тебе, Отец мой. Я знаю, что ты меня сейчас слышишь. Поэтому, и молюсь об этом. Поверь, не о себе скорблю, а о матери своей, ибо есть в ней искринка моего и твоего разом.

И словно громыхнуло откуда-то сверху ему на голову:

– Знаю, сын мой. Но оставь эту заботу мне, и не забудь о данном тобой слове.

– Не забуду, Отец, – заверил Иисус, поднимая руку вверх, а другую прижимая к сердцу своему.

– Тогда, прощай и помни: есть только два пути твоего прохода, но оба они смертоопасны. По какому пойдешь -по нему и погибнешь. Но знай и другое. В этих двух путях есть судьбы другие. Подумай об этом и опосля все решишь.

– Хорошо, Отче, я послушаю твоего совета.

– Тогда, прощай и успокой мать свою. Беды ей не будет. Голос исчез, и Иисус обратился к матери.

– Отец поможет нам и возвеличит в нужде нашей. Пойдем, мама, будем собираться в путь.

И они пошли по хижинам, собирая весь свой нехитрый скарб. До вечера все было сделано, и мать с сыном легли отдыхать. А на утро их снова встретило солнце и давно не битая копытами запыленная дорога.

И снова пыль поднималась из-под ног, а коза подавала голос, как бы не желая покидать это место.

Но, что поделать, если их вела уже не только сила верхов, а и своя внутренняя вера в доброту, ее силу и благонравие.

И, опускаясь на землю, та же пыль составляла следы, оброненные ими по дороге. И было в них что-то такое, которое потом подберут сами люди, пожелавшие истоптать весь их трудный путь.

Наверное, это и была сама вера, разбросанная веками и воспринятая другими людьми.

Но пока до этого времени, они просто шли по дороге, смотря вдаль и не видя ничего, окромя ясного ее света.

Так продолжалось много дней и ночей, пока они не дошли до указанного ранее места, где, обнаружив небольшой ночлег в виде хиленького, склонившегося в их сторону домика, решили заночевать несмотря на то, что до вечера еще было далеко.

Солнце как раз стояло над головой, и путники решили укрыться где-нибудь в тени.

Обойдя хиленькое жилище, они обнаружили удобное для этого место и расположились на отдых. Животное отпустили на свежую траву, а сами легли отдыхать. И приснился матери сон, о котором опосля она рассказала своему сыну.

И ему также приснился сон, только какой-то непонятный и очень даже странный.

Снилось Иисусу, что видит он себя на какой-то возвышенной местности и как будто привязанным к какому-то столбу. Из рук его течет кровь, а голова безжизненно свисает на грудь. Но, что за странное дело. Во сне он не чувствовал никакой боли, и ему казалось, что видит он сам себя как бы со стороны.

Где-то внизу, подле холма стоят какие-то люди. Их много, но они не идут кверху ему на помощь, а просто смотрят, как на какое-то дивное зрелище.

Иисус, проснувшись, не понял этого и хотел уже было рассказать своей матери, как вдруг, ему послышался внутри голос, звучащий гораздо мягче, чем прежде.

– Не бойся этого, сын мой, – обращался он к нему, – это твое будущее. Смерть твоя безнаказанная. Но за нее многие пойдут на благие дела опосля. Верен ли ты еще данному твоему слову?

– Верен, Отче, – отвечал Иисус.

– Верен ли ты после этого виденного люду тому, что внизу и не спешащему на помощь?

– Да, Отче, – твердо ответил юноша.

– Смотри, сын мой, дальше и запомняй это вновь.

– Хорошо, Отче, – и Иисус закрыл глаза, уснув снова.

Снилось ему что-то, доселе не виданное и не понятное.

Как будто видит он себя в другом одеянии, вокруг него множество людей, и все они протягивают к нему руки и молят о своей пощаде.

«Кто они? – мысленно спрашивает он во сне Отца, и тот ему отвечает, – смотри дальше, потом поймешь».

Следом за этой картиной последовала другая.

Как будто видит он себя снова со стороны, а где-то внизу под ним лежат большие поселения и города. Как будто он летит по небу, а рядом еще кто-то такой же, как он. Только чувствует Иисус, что он сам с другой стороны.

«Кто это? – опять во сне спрашивает юноша Отца, и опять голос отвечает, – смотри дальше».

А дальше эта картина сменяется другой.

Стоят в огне и дыму под ним города и селения. Черные облака застилают все небо. Он летит между небом и землей и созерцает, как гибнут люди в неведомой лавине огня, как рушатся от какой-то силы их дома. Иисус пролетает ниже и видит обращенные к нему лица людей, онемевшие от ужаса и боли. Огромная вспышка яркого света не дает усмотреть ему дальше, и Христос просыпается снова.

– Что это? – тихо спрашивает он отца, стараясь не разбудить мать.

– Это твое будущее, сын мой, – отвечает голос, – за ним будущее всего люду на Земле.

– Но я не знаю того, что видел? – засомневался юноша.

– Да, – согласился голос, – но пройдет время, и ты все это узнаешь.

– Значит, я вернусь сюда? – спросил Иисус.

– Возможно, – не совсем точно ответил отец, – это будет зависеть от самих людей. Как они поступят с тем, что ты хочешь преподнести им сейчас.

– А, что будет с мамой? – неожиданно спросил юноша.

– Она будет рядом, – сразу ответил голос, – но про сон ты ей не говори. Пусть, она этого не знает. Так ей будет спокойнее в этом мире.

– Хорошо, Отче, я послушаюсь твоего совета. Но скажи мне еще одно. Сколько ждать мне до того возвращения?

Голос немного помолчал, но затем сказал:

– Не знаю точно, сын мой. Время и люди рассудят это сами. Но ты не волнуйся. Свое место между нами ты заслужишь.

– Спасибо, Отче, – поблагодарил Иисус, – а как мне тебя величать, коль если захочу мысленно обратиться к тебе?

– Зови меня просто Иосифом, – ответил голос.

– Так это был ты на Земле? – спросил удивленно юноша.

– Да, но об этом никто не должен знать, даже мать.

– Хорошо, Отец. Я сохраню эту тайну. Но почему раньше об этом не сказал?

– Пойми, сын мой, – отвечал голос, – если бы я сказал это, ты был бы менее внимателен и более расслаблен, а так ты прошел хорошую школу для того, чтобы создать веру в других.

– Да, правда, Отец, – согласился с грустью юноша, – но все же мне хотелось бы тебя еще раз увидеть.

– Увидимся еще, не волнуйся, – успокоил отец, – а теперь, вот что. Слушай меня хорошо. На ночлег здесь не оставайтесь. Идите по дороге, указанной ранее, обходя эту пустыню. Дойдете к морю, там встретите свое племя. Назад же воротитесь через пустыню, сохраняя время, а заодно, убеждая других, что ты и есть тот, кого они ищут давно. Ты меня понял?

– Да, Отче, понял.

– Тогда, слушай дальше. По дороге будет много больных и искалеченных. Прикоснись к ним своей божественной рукою, и они увидят свет среди мглы ночной.

– Хорошо, Отче, исполню.

– Думай о том, как будешь жить среди люда разного. Не позволяй им унижать себя и пользуйся, если надо силой, данной тебе для воспламенения их сердец.

– Слушаюсь, Отче, – продолжал отвечать Иисус.

– Пойми, истина в народе сгорает быстро. Не допусти этого сам. Вера в добро – это наибольшая истина, которая есть на Земле.

– Я понял, Отче, – ответил сын божий, – но ответь мне на вопрос.

– Какой же? – спросил голос.

– Я хочу знать, чье племя меня изгонит и подвергнет наказанию?

– Этого не могу пока сказать, – ответил тот же, – возможно, позже ты сам это поймешь.

– Извини, Отче, я не подумал об этом, – понял свою ошибку Иисус.

– Ничего, сын мой. Принимайся за дело и не бойся его сам. Это главное в достижении цели. Но и не уподобь себя какому лжецу или сумасбродному сидню. Это грех большой. Думай и причитай. Причитай и молись, но делай это умно и искренне, а также ото всего сердца. Поверь в судьбу свою и предназначение. Это и будет твоей помощью самому себе. Не бойся унести с собой тайну. Об этом я позабочусь. Вера твоя в тебе самом заключается. Обряд же – не самое главное. Люди этого не поймут пока, но ты не переживай. Пусть, начинают, как им этого хочется. Не перечь, но следи за искренностью и слово произношением. Скверного слова не допускай. Иди, сын мой, но вначале послушай мать свою.

– Хорошо, Отче, спасибо тебе за науку и правду. Когда еще тебя услышу?

– Я сам отзовусь, – ответил голос и мгновенно исчез.

И Иисус остался наедине со своими мыслями.

Мать еще отдыхала, а потому, юноша, было, поднявшись, снова лег и закрыл глаза, но уже не спал, а просто лежал, созерцая в себе какие-то невероятные картины проходящего солнечного света.

И показалось ему вновь, что видит он сам себя как бы со стороны и улыбается сам себе.

«Что ж, – думал Иисус, – раз суждено мне отдать веру людям, то так тому и быть, и прав отец мой, что послал меня на это, ибо кто еще способен пронести крест сей по Земле и не уповать на самого себя в лета».

Мария проснулась и посмотрела вокруг себя. Сын лежал рядом, коза паслась неподалеку, и она облегченно вздохнула.

«Как хорошо, – думала она, – что они вместе».

Это вселяло в нее надежду на будущее и делало ее жизнь более осмысленной и понятной, нежели до рождения мальчика.

Она еще не знала, что скажет ей сын, но почему-то ей казалось, что они пойдут дальше по этой запыленной дороге и будут искать их племя. Да и сон говорил об этом.

Иисус открыл глаза и увидел, что мать уже не спит.

– Как отдохнулось, мама, – спросил он, любяще смотря ей в глаза.

– Спасибо, сынок, хорошо, – отвечала она, – снился сон какой-то, немного не понятный.

– А о чем он? – спросил юноша.

– Как будто идем с тобой по пустыне, а позади нас люди, мое племя, и вода у нас на исходе, а мы все идем и идем, – начала рассказывать сон Мария.

– А дальше? – любопытствовал сын.

– Потом, вроде мы с тобой куда-то ходили, и у кого-то что-то спрашивали. А уже в конце я видела каких-то беспомощных людей, тянущих к свету руки и желающих нам потом добра.

– Это хороший сон, мама, – сказал Иисус, поднимая руки к небу, – он нам поможет устоять в любой беде. Но не будем терять время. Отец сказал, надо идти дальше.

– Ты слышал его во сне? – спросила мать.

– Да, мама, – ответил юноша, – и так тоже.

– Ну, тогда пошли, – согласилась Мария, и спустя короткое время сбора они двинулись в путь.

Странники пошли по той же дороге, обвивающей желто-белую осыпь пустыни и пролегающей изредка между небольшими деревьями и кустами.

Животное следовало за ними, словно на привязи, хотя на этот раз мать не делала этого.

Она хотела, чтобы коза ушла. Все же жалко было ее оставлять, но еще жальче было вести ее за собой.

Но животное этот жест доброй воли поняло по-своему. И, шагая почти рядом, то и дело жалобно заглядывало в глаза, словно хотело что-то сказать от себя.

Мария погладила ее по шее, отчего коза весело подала свой голос, и даже немного потерлась о ее бок.

Так они и шли дальше: мать за сыном, а животное сбоку, чуть-чуть касаясь ее самой и не отходя ни на шаг в сторону.

И было в этом движении, воистину, что-то замороженное. Его нельзя было назвать какой-то безысходностью времени. Нет. Это была просто добрая воля, исходящая изнутри их самих и опоясывающая вокруг всю природу.

Деревья при встрече торжественно кланялись, протягивая ветки с фруктами в их сторону.

Кусты поднимались немного выше, доставляя съестной плод в самую руку иноходца, и даже трава становилась чуточку выше и сочнее, когда животное хотело на ходу прикоснуться к ней.

Где-то впереди заходило солнце, и огромный диск потихоньку опускался за горизонт, оставляя после себя большое количество красно-белого света.

Путники шли дальше, без усталости всматриваясь вдаль и не останавливаясь ни на минуту.

Где-то впереди на небе вспыхнула яркая звезда, вслед уходящему за горизонт солнцу, и мгновенно разлетелась в стороны, осветляя еще больше их путь и оставляя на небе изображение креста.

– Это знамение, – сказал Иисус, обращаясь к матери, – и оно укажет нам путь дальше, даже в ночи.

И шли они далее по той же дороге, а по времени уже давно стояла ночь. Знамение охватило полнеба и ярко горело, тем самым создавая свет в дополнение взойшедшей луне.

Воистину, это был крестный ход, освещающий и ниспосланный сверху богами, но осуществленный людьми в их подобию божественного сотворения мира.

Еще долго горела разошедшаяся в стороны звезда, и еще долго шли наши странники.

Их путь, восходящий кверху, начинался уже с этого, раннего для них утра.

И на этом заканчивался путь становления молодого Христа.

Наступала пора чудес. Во истину свою, творящихся во благо всему людскому миру.

Примечание автора

И здесь, и в другом также, чем-то похожем или нет, повествуется лишь одно.

Поиск причин, восстанавливающих истину.

Зачем, почему и кому это надо? – спросите Вы сами.

Неужто, не знамо что-то еще о Христе или не так представлено в глазах людских в день сегодняшний и в день особого торжества нового его прихода?

И как бы по-житейски просто это не звучало, но все именно так и есть.

И правда та о его жизни искажена до смерти. Что значит, просто неправдоподобно описана или составлена сама летопись его прижизненного участия. Многое принято и воспринято совсем неправильно и в силу ума только того, что когда-то существовал на Земле.

Многое же добавлено уже потом, а еще и хуже всего, просто искажено или извращено смыслом.

И след всего того земного извращения виден с самих небес, а пагубные свойства его выливаются уже сейчас всем на головы.

Но не было бы в том беды какой большей, коли б все так и оставалось на своих местах, и больше к делу тому никто не присматривался.

Но не так обстоит все реально. И уже сейчас, даже в наше время все же кое-что предусмотрительно добавляется то тут, то там или заносится на чистые листы такой же бумаги, так же предусмотрительно оставленной еще более ранними последователями всех тех грехов. Оттого подделки чтятся за правду и на ту же веру людскую принимаются.

Кто знает – сколько их там еще осталось тех самых листов и к чему может привести дополнительное изменение всех тех событий, не исключая всех последующих за ними правил, что также приводят к разлому человеческой души, ибо не воспринимаются ею как надо, ибо все то противоречит самой природе ее же создания.

Надо учесть здесь самое главное.

Вера – то есть не только часть истинно духовного выражения, а еще и чистейшее материальное приложение, что говорит о качестве самой души, испытующей всю ту веру в себе так же истинно, как и она сама.

Всему тому есть основательные научные доказательства, и само человечество уже стоит на пороге нового открытия в той самой области. И осталось для того совсем немного.

Но подождем все же иных событий времени и, даст Бог, вера вся та же в нас самих и появится или выразится с новой силой, окупая по-новому все грехи те земные и окуная души людские в глубокие озера самой природно исполненной истины.

Пока же знакомьтесь далее с той порой давно ушедшего времени и попытайтесь понять действительно разницу между слащаво насыщенным и реально осуществленным...

Глава 4. Чудеса

Еще долго шли путники по давно не хоженной дороге, и только тогда, когда погасла звезда и на небе осталась одна луна, они остановились на отдых, подобрав для этого более-менее подходящее место.

Заночевав в неглубоком овраге, наутро с восходом солнца, они двинулись дальше в путь. По дороге природа немного преображала свой вид, и, если слева оставалась пустыня, то справа – деревья приобретали более увесистые формы, кусты становились больше, их численность росла, а трава еще ярче блистала зеленью.

Где-то впереди показалось какое-то селение. Жалкие древние лачуги едва скрывали тех, кто там жил от солнечного света и наступающего порой дождя. Но, наверное, люди привыкли к этому и не жаловались на свою избитую горечью судьбу.

Их вид и одеяния были несколько ветхими, что Христу даже показалось, что это не люди, а какие-то высохшие фигуры в обычном тряпье.

– Что стало здесь, – спросил он, подойдя ближе к небольшой группе людей.

– Мор, сынок, – ответил какой-то старец с палкой в руке, – много люду погибло. Остались искалеченные, да вот мы, старики. Дети тоже не выжили. Только одна девочка очень больная пока еще дышит.

– Где же она? – спросил Иисус.

– Там, – указал рукой старец, – но, кто вы будете и зачем она вам?

– Мы путники, – ответил Христос, – и путь держим к морю. Там наше племя.

– А знаю, знаю, – покивал головой старик, – давно это было. Помню это. Большое племя. Много люду, – вспоминал человек и качал головой снова, – но и их беда коснулась. Слышал я от таких же, как вы, что и у них мор прошел. Не знаю дальше, выжили ли они в этом.

– А что за мор такой? – уточнил Иисус.

– Люди слепнут и гибнут, покрываясь какими-то пятнами, растущими во дни, – пояснил старик, – страшно глядеть. Мы их потом хороним отдельно, чтобы самим не заболеть.

– Проведи меня к ней, старик, – попросил Иисус, – я хочу посмотреть на нее.

– Как знаешь, – сказал тот, – только смотри, – предупредил он, – болезнь страшная и уже много от нее погибло.

Развернувшись, они пошли вглубь селения.

Мать последовала за ними чуть позади. Все же она немного боялась и за сына, и за себя.

Если болезнь так косит людей, то это страшно любому, не знающему, как с ней совладать.

Они подошли к одной разбитой хижине, где внутри под небольшим покрывалом лежала худенькая девочка, дрожавшая вся от холода, хотя было уже довольно тепло.

Иисус подошел к ней и посмотрел прямо в глаза.

Вмиг что-то блеснуло из его глаз и перенеслось внутрь больной девочки. Она сразу немного ожила и перестала трястись, так и не отрывая своего взгляда от него самого.

– Встань, – приказал Иисус, – и отбрось покрывало в сторону.

Девочка поднялась и, на ощупь, найдя покрывало, бросила его в сторону. Жалкие одежды уже почти истлели на ней и мало прикрывали ее тело.

– Сбрось с себя все, – приказал Иисус, – а вы, – обратился он к людям, – принесите сюда чистой воды.

Девочка повиновалась и осталась совсем нагая. Ей было лет двенадцать, но худоба снизила этот возраст еще немного, и оставалось совсем непонятно, как она еще до сих пор жива.

Тело покрывали какие-то язвы, из которых что-то сочилось, и только часть тела была свободной от этого.

– Присядь, – сказал Иисус, – и омочись, а после смажь свои раны этим.

Девочка так и сделала. Спустя немного времени принесли воду, но Иисус не стал торопиться с этим.

– Отойдите все чуть дальше, – сказал он, – и надо сжечь ее одежду и покрывало. Возьмите палкой и бросьте все в костер.

Никто не решался этого сделать, и тогда наперед выступил старик, их повстречавший.

– Я сделаю это, – сказал он, качая головой в стороны, – я уже стар и почти немощь. Можно и умереть.

– Не бойтесь, – сказал Иисус, – здесь нет ничего страшного. Огонь сожжет все.

Пока старик собирал ветхие части одежд, Иисус подошел ближе к девочке и, усадив ее словом на пол, сам расположился напротив.

Он долго смотрел в ее открытые глаза, и даже со стороны было видно, как они наполняются жизнью.

Так продолжалось достаточно долго, и люди уже устали ждать какого-либо результата, но Иисус упорно продолжал делать то же самое, лишь иногда переводя взгляд в сторону и медленно закрывая глаза для небольшого отдыха.

Послышались недовольные голоса. Кто-то говорил о том, что он мучит девочку напрасно.

Боги сами знают, что им нужно от них. И лучше оставить ее в покое.

Христос не слушал это. Он понимал, что их неверие в свою исцелимость и губит, а потому, упорно продолжал смотреть дальше.

Наконец, он встал и, немного походив, чтобы размять ноги, приказал поднести воду и омыть девочку сверху.

И снова никто не захотел этого делать.

Лишь старик, в очередной раз набравшись смелости, предложил свою помощь.

Спустя минуту девочку окатили водой с головы до ног. Ниспадая, вода образовывала какие-то радужные пятна, которые быстро исчезали на солнце.

– Хорошо, – сказал Иисус, – теперь, девочка, возьми омочись снова и помажь свои раны.

И опять послышалось какое-то недовольство позади него, но Христос не уходил от своего.

Девочка исполнила его указание, и Иисус опять усадил ее на пол, продолжая смотреть ей в глаза.

Мария тревожно наблюдала за сыном, и ей становилось немного страшно. Она боялась за него.

Люди, стоявшие позади, были способны на все. Но все же, она молчала и претерпевала их укоризненные взгляды и тщедушный ропот в сторону сына.

Шло время, люди недовольно переговаривались, а Иисус все сидел и сидел напротив девочки, которая так же, как и он, смотрела на него.

Солнце уже поднялось высоко и даже сюда в эту жалкую хижину заглянули его лучи, освещая внутреннюю темноту и убирая немного сырость.

Иисус, в очередной раз оторвавшись, сказал снова помыть девочку. И старик исполнил его указание.

После этого Христос вывел больную наружу и подверг открытому солнечному теплу. Спустя время, он опять завел ее внутрь и усадил на пол, где, как и прежде, продолжал смотреть ей в глаза.

Прошло еще время, и солнце немного село. Люди снова недовольно зашумели, но тот же старший успокоил их, сказав, что иноходец знает секрет болезни.

Люди еще пошептались, а потом потихоньку начали расходиться, в то время как Иисус продолжал исцеление больной.

Когда солнце почти село, он снова вывел девочку наружу и уже здесь сказал, чтобы она омочилась и помазала свои раны рукой. Та подчинилась его воле и сделала то, что сказал Христос.

И о, чудо!!! В вечернем сиянии солнца раны начали немного заживляться.

Жидкость, сочащаяся из них, исчезла, и они обрели суховатость. Иисус видел это, но ничего не сказал больной, а опять завел внутрь и усадил на пол.

Начинало темнеть. Девочку покормили, затем напоили теплым молоком и уложили на чистую постель. Она уснула.

Всю ночь Иисус находился в ее хижине, без усталости всматриваясь в лицо девочки и только иногда отдыхая возле стены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.